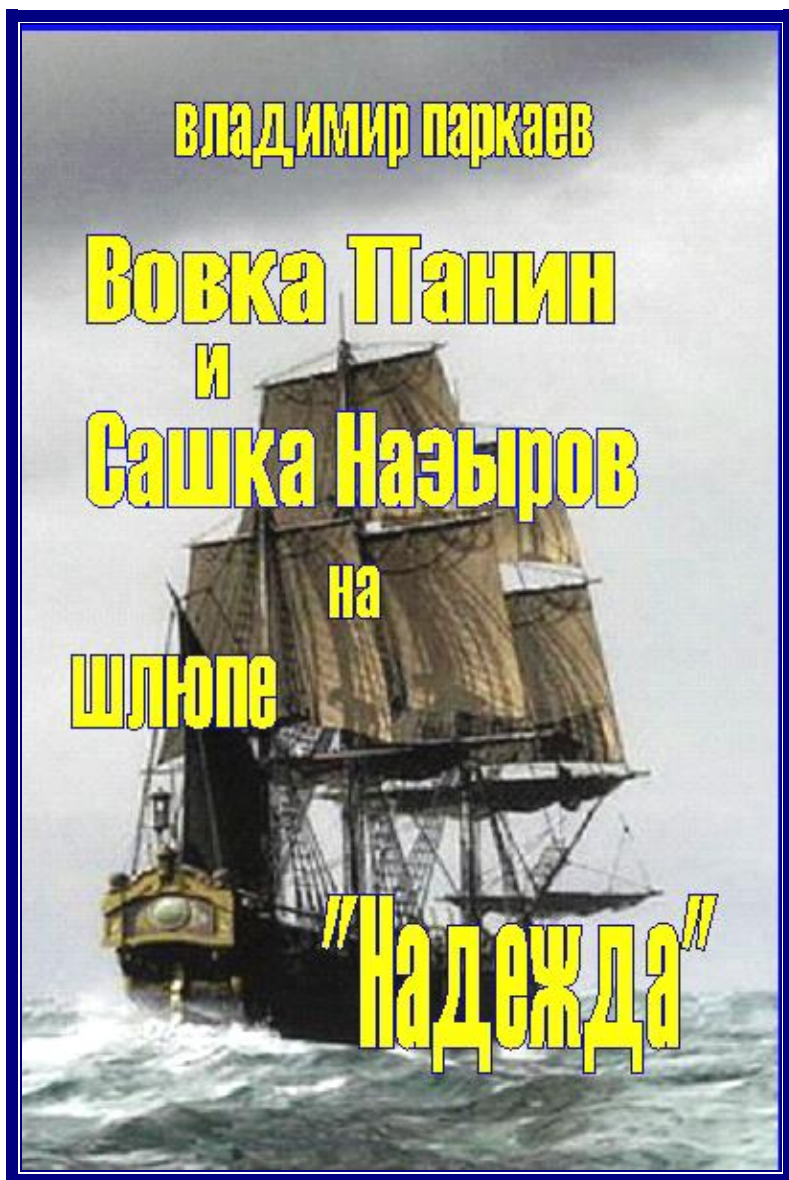

Владимир Паркаев

Вовка Танин
и
Сашка Назыров

на
шлюпе
"Надежда"

Об авторе

Владимир Паркаев родился в 1946 году в деревушке Маклауш под станцией Клявлино, что в Самарской области. В начале 50-х большая семья Паркаевых переехала в Новую Письмянку, которая скоро стала городом Лениногорском.

В то время вокруг полным ходом шло освоение знаменитого Ромашкинского месторождения нефти и глава семьи – Мирон Павлович стал работать на тракторном кране в одном из подразделений тогдашнего треста «Татбурнефть», где и проработал более сорока лет.

В 1963 году Владимир Паркаев поступает в Ростовское-на-Дону мореходное училище, после окончания которого работает на судах Управления океанического рыболовства в Петропавловске-Камчатском. На больших траулерах рейсами по шесть и более месяцев судомеханик Паркаев среди приключений на рыбной ловле в северных и центральных широтах Тихого океана.

С 1975 года живёт и работает в городе Лениногорске. Автор ряда книг о детских и юношеских приключениях Вовки Панина и его друзей.

Член Союза российских писателей.

От автора.

В очередной книге уже знакомые герои снова встречаются с Эльтиной. Но в этот раз Вовка Панин перемещается во времени со своим другом юности и мореходским однокашником - Сашкой Назыровым.

Вовка Панин и его друзья детства неплохо зарекомендовали себя в прошлое путешествие во время крестьянской войны Емельяна Пугачёва. Это и стало причиной того, что Эльтигена выбирает Вовку Панина для нового путешествия, теперь уже в самое начало девятнадцатого века.

К сожалению, современные пацаны и ребята постарше плохо знают историю своей страны. Как бывший флотский человек, автор счёл возможным снова переплести фантазию с реальностью, и хотя бы таким образом донести до любознательного читателя о первом русском кругосветном путешествии под руководством великих русских флотоводцев Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского.

В то же время автор кое-где позволил себе некоторые вольности с действительной хроникой событий. Например, макет брига «Наварин» появился в столовой Морского кадетского корпуса только в 1827 году по инициативе того самого Ивана Федоровича Крузенштерна, одного из главных героев книги, ставшего к тому времени директором Морского Кадетского корпуса....

Внимательный и дотошный читатель найдёт и другие неточности. Но автор ещё раз просит учесть, что книга не является историческим очерком или, более того, историческим учебником. Тем не менее, он ни в коей мере не стал покушаться на ту историческую действительность, которая значима для Истории, как таковой.

Автор также позволил себе воспользоваться материалами об истории Морского кадетского корпуса.

Взаимоотношение Ивана Федоровича Крузенштерна и Николая Петровича Резанова в какой-то мере находятся в центре событий

Обе эти исторические личности внесли большой вклад в развитие российского государства. Огромная роль принадлежит им обоим в освоение дальневосточных рубежей России.

На самолёте Вот так встреча!

В Казани Вовка ждал самолёт всего несколько часов, зато в Красноярске заторчал надолго. Вылет ему назначили только на третьи сутки, да и то при условии, если лётная погода восстановится с сегодняшнего дня. А сибирской затяжной пурге начхать было на лётчиков с их самолётами, а уж на пассажиров тем более. И уж совсем глубоко на синоптиков с их прогнозами.

Но из одного окошечка ему всё-таки посоветовали выходить к трапу камчатских рейсов, если таковые объявят - вдруг кто-либо из пассажиров не заявится к вылету. Первые сутки о камчатских рейсах только и сообщали, что они «задерживаются ориентировочно до...»

«Чтоб мне провалиться» - чертыхался Вовка непонятно в чью сторону...

Лишь к концу вторых суток бестолкового ожидания поднялся первый самолёт до Петропавловска – к этому времени Вовка уже исходил на нет. Он не имел привычки запросто спать и даже сидеть в чудом освободившемся кресле, да и его он сразу уступал женщине или просто пожилому человеку, которые тут же появлялись возле него со своими чемоданами, узлами...

...Вовке смертельно надоела вокзальная толкотня. Он уже сделал бессчётное количество кругов по большим и маленьким залам. Несколько раз простоял в длинных буфетных очередях, пил кофе из больших стаканов в прикуску с безвкусными бутербродами. Обошёл и привокзальную площадь с лотками по периметру, прочитал если не все, то уж большую часть газет и журналов из этих лотков.

-Молодой человек! - удивлялась дородная ларёчница, - ты ведь только час назад брал толстую газету. Куда ты их деваешь?

-На закрутку использую, - хмурился Вовка. – Больно бумага у вас хорошая...

Конечно, ларёчница понимала, что такую уйму бумаги не искуришь и за месяцы, да и прошло стародавнее время самокруток, но она многозначительно улыбалась, принимая условия игры.

Что же до курения, то Вовка и впрямь, было, купил пачку болгарской «Шипки». Но, попробовав разок, надеясь и таким способом скрасить унылое одиночество, бросил едва начатую сигарету.

-Ерунда какая...

Потом он прилачился выходить к прилёту всех самолётов подряд. Он, конечно, сознавал, что никаких знакомцев в этом аэропорту встретить ему не светит, но это тоже была своего рода игра. Она помогала отвлечься и убить тягостное время, которое стало здесь для него просто невыносимым. Он скользил невидящими глазами по фигурам, по лицам прилетевших, и снова шёл в надоевшие до ужаса залы.

А встреча действительно состоялась! Да ещё с кем!.. Но не у трапа самолёта и не в накопителе между самолётом и аэропортом, а в одном из залов ожидания, в который Вовка очередной раз заглянул «с проверкой».

Ему не сразу бросилась в глаза знакомая фигура. Да он и вовсе мог бы её просмотреть, если бы случайно не побрёл в нужную сторону, а потом и в нужный угол.

Такой радости от встречи Вовка ещё никогда в своей жизни не испытывал. Она осветила ярким светом всё его замученное существо изнутри и снаружи. Он лишился речи не на миг и не на два – он онемел до абсолютного столбняка, который продолжался неизвестно как долго.

Сашка Назыров кемарил на одном из подоконников, прикрыв половину лица точно такой же газетой, что была в руке у Вовки.

Сколько простоял Вовка в столбняке - измерению не поддаётся. Наконец, он глубоко вздохнул и, сделав осторожный шаг, подошёл вплотную.

«Может, не он... да ещё газетой прикрылся...» - в нерешительности остановился Вовка.

Но нет. Остроносые рифлёные туфли на высоком каблуке – последний крик ростовской моды, брюки в еле заметную полоску – именно в них Сашка провожал Вовку из Ростова... а половина лица ниже носа!.. Да чего там!..

Вовка надумал, было, шваркнуть по газете, но такая громкая неожиданность могла довести и до непредсказуемого стресса.

-Гражданин Назыров, - ласково тронул друга в плечо Вовка. – Товарищ Назыров! Хватит спать!.. Прилетели уже...

-Куда прилетели? – не убирая газеты, спрашивает Сашка.

-На кудыкину!..

В Сашку будто кол сверху или снизу воткнули – он резко выпрямился.

-Вовка!..

-Да я и есть... подбородок не потеряй!..

Настала Сашкина очередь побыть в столбняке с открытыми глазами.

-Ты как тут? – наконец, брякнул чего-то он. – Тоже на Камчатку?..

-Нет, на Рижское взморье... так же, наверное, как и ты, - затряс Вовка друга. - Только вот удивительно, чего же ты на Камчатку прямым рейсом из Москвы не улетел? Вроде бы таким маршрутом собирался...

-Да какой там прямой рейс!.. Из Москвы за сорок пять суток билет надо заказывать, вот я и решил из Ростова на Красноярск махнуть. Сейчас ведь самое время, когда камчатские отпускники возвращаются, а у них билеты в обратную сторону ещё задолго до отпуска куплены...

Вовка во все глаза продолжал смотреть на Сашку. Он никак не мог поверить, что перед ним именно Сашка, хотя тот что-то говорил в ответ. Даже что-то спрашивал.

-А ребят видел, после того, как я из Ростова улетел?..

-Конечно, видел. Педченко, например, всего за день до отлёта...

-А что же он-то с тобой не полетел?..

-Отец ему какую-то справку сделал. Вот он и ждёт, когда ажиотаж спадёт...

-А Сашка Дьяков... Эрик?..

-Этих не видел – они же оба в Находку...

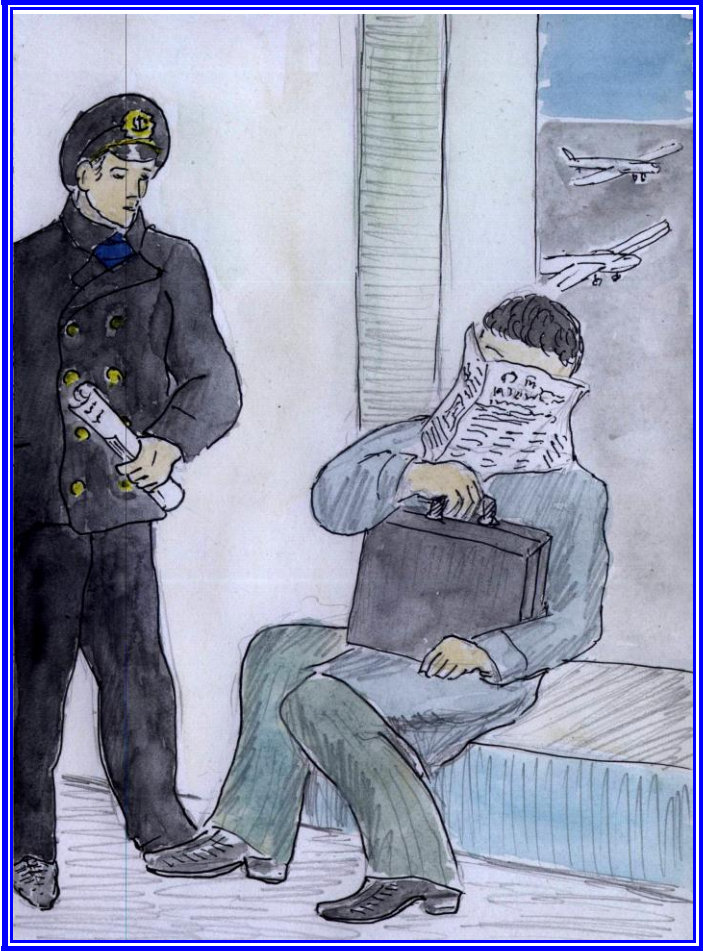
Ребята долго ещё пререкались междометиями. Наконец, Вовка предложил:

-Может, в буфет по такому случаю...

-Пошли...

В буфете разговор продолжился.

-Почему по форме? - не сдержался от вопроса Сашка.

-А в чём мне?.. Такого пальто как у тебя, у меня пока нет. Пытался в своём сельпо что-то подобрать – не получилось. Может, на Камчатке отоварюсь...

-Ладно... не это главное – главное, что опять вместе...

Выпили по стаканчику вина за встречу, больше ребята не решились – ведь всякое может быть, а койки в кубрике не ожидалось даже близко. Взяли ещё по стакану кофе.

-Что делать-то будем? Да и денег всего полмешка осталось, – спустились они, наконец, на грешную землю Красноярского аэропорта.

Они уже определились, что у Сашки билет на более поздний рейс, чем у Вовки.

-Нам в любом случае надо попасть на один самолёт.

-А как это сделать?.. Попробуй – сунься в окошко...

-В крайнем случае, мне придётся переделать билет на твой самолёт. На более поздний, думаю, сделать будет не сложно.

-По правде говоря, мой рейс тоже должен был ещё вчера улететь, в Ростове задержали из-за здешней непогоды.

Отстояли очередь в справочное бюро.

-Давайте ваши билеты...

Девушка куда-то вышла и вернулась через минуту.

-Вот вам на один рейс.

Когда билеты изучили вдоль и поперёк, то оказалось, что оба билета на Вовкин самолёт. Вот что значат возможности даже рядовой девушки в окошке!..

А самолёты на Камчатку полетели чуть ли не один за другим. Откуда только лайнеров столько набрали?!.. Вовка, теперь уже с Сашкой, продолжали следовать совету с выходом к улетающему самолёту. Они уже трижды подходили к трапу камчатских самолётов, но в последний момент опять и снова находилась то женщина с ребёнком, то пассажир с важной телеграммой, и они вновь продолжали бесцельно шататься из зала в зал.

Но к исходу четвёртых или началу пятых суток (у Сашки на двое суток меньше), Вовку, а может его флотский бушлатик, пожалела звонкоголосая стюардесса:

-Эй, морячок!.. Подожди-ка, - услышал Вовка, когда они с Сашкой очередной раз пошли от трапа самолёта за остальными неудачниками. – Я же тебя ещё три дня назад видел – это ты до сих пор не улетел?!..

Вовка словно споткнулся... встрепенулась надежда.

-Поднимайся скорее и побудь пока здесь, а я к командиру пойду...

-Да я вот вместе с ним... мы из мореходки... и билеты у нас на один рейс... - торопливо зашелестел Вовка пачкой бумажек

Девушка задумалась.

-Ладно, попробую что-то сделать...

Через пару минут она возникла вновь, проводила друзей в самый хвост, где откинула два приставных стульчика, на которые они и внедрились, выражая только взглядом бесконечную, смертельно уставшую благодарность. Видно, поняла добрая девушка в лётной форме, что ещё сутки прозябания в аэропорту и конец морячкам от безысходности и неопределенности.

-А был бы и я в штатском – торчать бы нам до...

Вынужденная посадка

Шум винтов, быстро перешедший в рёв в момент короткого разбега по взлётной полосе, заиграл в ушах нежной симфонией. Оба в сладкой истоме прикрыли глаза и откинулись поплотнее к прохладному борту самолёта. Полудрёма у обоих друзей быстро вошла в крепкий сон.

Не зря говорят, что сон не только лучший лекарь, но и быстрее всего восстанавливает силы. Вовка посмотрел на часы в полумраке, пробивающимся из небольшого иллюминатора выше правого Сашкиного плеча. Точно такой же иллюминатор был и сзади Вовки.

«Всего только два часа в воздухе, но до Питера лёту на этом небесном тихоходе не менее восьми часов... перебьёмся, не война...»

Вовка пялился в иллюминатор напротив, но не пытался что-то в нём разглядеть. Просто надо было куда-то смотреть. Он думал о предстоящей встрече с Камчаткой, о курсантах-мореходах, теперь бывших, о встрече с ними.

«Интересно, а какие пароходы в этом самом Управлении океанического рыболовства? - медленно размышлял Вовка. – Но раз рыбалка океанская, то не меньше средних траулеров, а сейнеры в океаны и вовсе не ходят...»

Да, действительно в иллюминаторе разглядывать было нечего. Но от него веяло завораживающей силой. Так дейст-

вует на человека огонь, так действовала на Вовку кильватерная струя... а теперь вот и слабый, всё сгущающийся свет из синего иллюминатора.

Но что это?.. Вовка крепко зажмурил глаза. А в голове незабываемый девичий голос:

-Не бойся – тебе не показалось... открой глаза... это я – Эльтина...

Вовка тут же широко раскрыл глаза. Конечно, это была та самая Эльтина из его давнего то ли сна, то ли яви... Её лицо то отдалялось от стекла иллюминатора, то снова приближалось, и тогда Вовка мог рассмотреть её лицо в самых мельчайших подробностях.

-Не буди своего друга, - звучит снова голос. – А о тебе я опять всё знаю и... знала...

-Что стало причиной твоего появления? – еле шевелит губами Вовка.

-Вы летите на аварийном самолёте - через считанные минуты он потерпит крушение...

-А как же мы?! - подскочил Вовка. - Как все остальные?..

-Наши инженеры постараются посадить самолёт, но до ближайшего аэропорта далеко...

-С кем это ты тут разоряешься, баламут? - проснулся и вечный соня Сашка. – Не даёшь поспать спокойно...

-Сашка, ты пока помолчи, я потом всё объясню. Так что же нам делать?..

-Не поддаваться панике и пройти в середину самолёта. Во время вынужденной посадки может серьёзно пострадать хвостовая часть...

-Эльтина!.. Эльтина, ты ещё встретишься со мной! – кричал Вовка, увлекая за собой ничего не понимающего Сашку в направлении от хвоста.

-Да...

Лицо Эльтины исчезло.

Вовка почувствовал увеличение вибрации самолёта.

-Что стряслось? - начал соображать и Сашка.

-Вынужденная посадка!..

Из фонарей над креслами давно уже шла команда:

«Застегнуть ремни! Не курить!»

Две стюардессы, сохраняя спокойствие, спешили от кресла к креслу, что-то говорили. Навстречу им неслись вопросы и просто выкрики вперемешку с воплями...

-Сашка, садись на пол, зацепись крепче за кресла и не отцепляйся, - кричал другу в ухо Вовка сквозь шум в салоне самолёта.

Они зацепились за крепления кресел и друг за друга, упёрлись ногами. Их примеру последовали ещё несколько пассажиров с задних рядов. Минута превратилась в вечность. Но вот самолёт резко дёрнуло вверх, ещё и ещё раз, раздался треск обшивки.... И Сашку, и Вовку понесло вперёд к пилотской кабине. Вовка почувствовал, что его больно ударило по спине чем-то тупым. Но до кабины они всё же не доехали – движение, а с ним скрежет раздираемого металла прекратились. Остался только дикий вой ревущих людей. Вовка сразу определился, что над ним ворох из багажа, какого-то тряпья, и ещё чего-то...

«Надо выбираться...»

Хорошо, что голова его была на свободе. Вот только в салоне ещё до того, как Вовка с Сашкой зашли в него, пропал свет. Вовка попробовал встать, растолкав какие-то вещи. Это ему удалось. Над креслами было светлее, Вовка почувствовал себя увереннее. Рядом поднялся Сашка. Вовка сообразил, что снаружи в иллюминатор упёрлась ветка хвои, в иллюминаторе напротив светилось сумрачное небо. Пол под ногами круто скособочен.

-Граждане пассажиры! – загремело вдруг на всю громкость из динамиков. – С вами говорит командир корабля... прошу без паники. Наш самолёт произвёл вынужденную посадку в лесном массиве. Всем оставаться на своих местах до выяснения обстановки. О необходимости покинуть самолёт будет объявлено дополнительно... радиосвязь в рабочем состоянии, скоро придут спасатели...

Вой быстро сошёл на нет, стюардессы снова неловко забегали между кресел, выискивая пострадавших. Вовка с Сашкой осматривались в проходе, в головах пусто до колокольного звона.

-Жив? – первым откликнулся Сашка. – Ноги-руки?..

-Слава Богу, жив... и ноги-руки целы...

Неверующий пионер в прошлом, а теперь комсомолец Вовка всегда замечал произвольное влечение к тому, что все называют тягой к Богу в тот момент, когда наступала угроза. Особенно угроза жизни. Сейчас как раз был такой случай...

-Пошли на свои места...

-Как вы, ребята? – перехватила их та самая девушка, которая устроила незадачливых пассажиров на уходящий самолёт в аэропорту.

-Да вроде всё нормально... спасибо...

Потеря

А своего закутка в хвостовой части ребята... не нашли. И очень по простой причине – хвоста у самолёта просто не оказалось на месте. И обнаружили это не они сами - об этом им сказала их девушка, преградившая путь у переборки, за которой и должны были стоять приставные стульчики, на которых они так уютно устроились.

-Там же наши чемоданчики?..

-Там ничего нет, тем более ваших чемоданчиков... когда разрешат выйти, то посмотрите вокруг...

Она снова провела ребят, теперь уже вперёд. Там тоже нашёл закуток с приставными стульчиками.

-Посидите пока здесь, только ради Бога, никуда не уходите...

Вовка удивлялся выдержке девушки. Ведь крушение всё же происходит не каждый день.

-Как хоть вас зовут? – опомнился, наконец, Вовка.

-Лена...

-А меня Володя... он Саша...

-Хорошо, - заспешила к пассажирам девушка Лена.

-Если что надо, то мы постараемся помочь! – уже вслед крикнул Вовка.

Оставшись одни, ребята долго смотрели друг на друга, словно осмысливая происшедшее. Да так оно и было.

-Странно всё же, - помял свой выдающийся подбородок Сашка. - Ты знаешь, как ящерицы и некоторые другие земноводные отбрасывают свои хвосты в минуту грозной опасности...

Вовка нашёл в себе силы улыбнуться.

-А ведь и впрямь, похоже...

Вовка тут же вспомнил Эльтину и её предостерегающий совет убраться подальше из хвостовой части.

-А ты помнишь, что мы спали и проснулись прямо перед аварией? – чуть исподлобья спросил Вовка.

-Да-да... я даже вспомнил, что ты меня разбудил... а тебя кто разбудил?..

-Никто... я сам проснулся.

За время учёбы в мореходке Вовка не раз и не два пытался рассказать и Сашке Назырову, и Дьякову, и Витьке Колчанову о похождениях со своими друзьями детства в другом времени, о Пугачеве, о том, как он ещё в 18-м веке побывал на донских берегах. Наконец, о юных волшебниках Генри Паркере и Генриэте.

Но все они одинаково посмеивались, одинаково выражали удивление по поводу необыкновенной способности Вовки к фантазиям.

-Ты, наверное, писателем станешь, - непременно высказывали они дальновидное предположение.

Вовка не спорил, но тоже одинаково просил их не болтать о его рассказах по кубику, а тем более, дальше по коридору. Постепенно Вовка утихомирился.

А потом был очень интересный и смешной фильм «Иван Васильевич меняет профессию», в котором изобретатель Шурик случайно отправил двоих чудаков в 16 век, а к нему на квартиру наоборот заявился настоящий царь Иван Грозный. Но в конце фильма оказалось, что изобретатель «машины времени» просто отключился, и всё это приснилось ему во сне, несмотря на очень явные картины....

Вот и сейчас Вовка порывался сказать про Эльтину, но что-то сдерживало его. Хотя вряд ли Сашка и сейчас не поверил бы Вовке и стал бы над ним посмеиваться.

«А вдруг Эльтина не хочет, чтобы я открылся перед Сашкой...»

Сам Вовка ни минуты не сомневался, что Эльтина в иллюминаторе ему не привиделась. Да и кто же, кроме неё мог сказать ему, чтобы они непременно ушли из хвоста самолёта!..

Вдруг ярко ударил по глазам свет. Заглянула девушка Лена:

-Ребята, всё нормально. Вероятность пожара, а тем более самого пожара, нигде нет. А сейчас прошу вас помочь с разбором завала вещей из передней части салона и раздать владельцам.

С этим простым заданием они справились быстро. Ведь в салон пассажиры входят только с ручным багажом. Вовка поочерёдно брал то сумку, то портфель или даже просто пакет, поднимал его повыше.

Владелец откликнулся, Вовка шёл к нему и передавал из рук в руки. Точно так же и Сашка.

-Граждане пассажиры! В целях экономии энергии освещение будет включаться только по мере необходимости, - донеслось из динамиков, когда Лена доложила в кабину пилотов, что порядок в салоне восстановлен.

-Лена, а что дальше?..

-Радист связался с аэропортом, и сейчас решается вопрос о доставке помощи в наш район, - бодро отрапортовала Лена. – Так что будьте спокойны.

Ребята слышали, что эту же информацию Лена несколько раз выдала и в пассажирский салон. Она ещё долго говорила о правилах поведения при аварийных ситуациях, говорила об особой ответственности пассажиров, которые будут заведомо нарушать эти инструкции.

-Да... плакали наши чемоданы, - не выходило из головы у Вовка. – А там у меня...

-Что?..

-Да ничего особенного, но вот фотоальбом о моём детстве и мореходке...

-У меня тоже несколько фотографий там, - вздохнул и Сашка.

-Альбом это ещё не всё, - продолжил Вовка. – Ты помнишь, я вёл дневники?

-Спрашиваешь...

-Они тоже там. Целых шесть записных книжек... целых четыре года на листочках...

-Чего уж теперь-то?..

Ребята замолчали. Вовка представлял себе свой маленький, больше похожий на дипломат, чёрный чемоданчик, в котором всего-то пара белья, рубашка, полотенце, да ещё что-то по мелочи.

«Ведь он лежит где-то в кустах или в траве под деревом... а там Надюха, там Светуля, там отец с матерью... там записные книжки, о потере которых он, возможно, будет жалеть всю жизнь...»

В тех записных книжках Вовка вёл хронику своей курсантской жизни. Он не изливал в них душу, как это делали пушкинские барышни, а просто методично вносил свои похождения изо дня в день, похождения с друзьями и просто про учёбу с утра до вечера. Книжки эти можно было с полным основанием назвать «Курсантские хроники»

-Вот лет через десять открою, - говорил он своим друзьям. - И прочитаю, что я делал в этот самый день ровно десять лет назад.

-Ну и для чего это надо? – хмыкали друзья, которые, было, прозвали его «Писакой». Но кличка эта не прижилась. Он так и остался мичманом Паниным до самого конца мореходки и далее.

Снова заглянула Лена.

-Ну, как вы тут?.. Перекусить не желаете?

-Желаем, - первым откликнулся Сашка. – Ещё как желаем...

-Только не до жира...

И Лена вытащила из-за спины два штатных голубых подносика с небьющейся посудой.

Ребята подкрепились курицей, какой-то зеленью, запили минералкой.

-А туалет работает?.. – до крайности осмелел Сашка, когда Лена зашла за посудой.

-Там не очень-то удобно при таком крене, но при штурмане...

-Да я только слегка.

Была решена и эта проблема, которая мучила ребят, по правде говоря, больше, чем голод.

Выход из самолёта

-Ребята, если хотите, то можете выйти с нами наружу, - не оставляла без опеки друзей Лена. – Мы должны посмотреть состояние багажа. Командир разрешил взять вас с собой, если согласны...

Это было что-то. Надежда снова окружила Вовку своей заботой.

-Какая же ты молодец, Лена!

Ближайший, сравнительно удобный выход оказался рядом с пилотской кабиной, возле которого стоял командир.

-Что, мореходы... не ожидали, такого шторма в воздухе?

-Бывало уже, - солидно ответил Сашка. – Пришлось по океанам...

Ребята первыми спустились по короткому приставному трапу, приняли чуть не на руки девушку Лену и вторую стюардессу Веру.

А погода никак не соответствовала тому, что произошло в тайге всего-то чуть больше часа назад. Ярко светило откуда-то сбоку солнце. Вовка прикинул, что они вылетели из Красноярска по местному времени в 4 часа утра с минутами. Летели около трёх часов навстречу солнцу.

«Значит, местное время около 7-8 утра, - прикинул Вовка. – Впереди целый световой день...»

-А вдруг тут звери? – перебила Вовкины расчёты озирющаяся по сторонам Вера.

-Какие звери... они на десятки километров разбежались от такого шума, - высказался командир из люка. – Да и охранники с вами...

-Не бойтесь, не бойтесь, - приободрил и Вовка осторожных девушек, которые, по правде говоря, были года на три-четыре старше их с Сашкой. – Я всю жизнь рядом с лесом и в самом лесу...

-Вас не поймёшь, - засмеялась Лена. - Один про океаны говорит, другой про лес...

-Надо всем через всё пройти – и через океаны и через леса...

-И через степи с саксаулом, - добавил как раз во время Сашка.

Немудрёный юмор роточан прибавил веселья, и вот уже у всех настроение полезло круто вверх. Все заулыбались и настроились на предстоящие дела. И всё же Лена выбрала момент:

-Володя, а вы не вините меня, что я чуть не силком затащила вас в свой самолёт? Возможно, сейчас вы спокойно летели бы в другом самолёте, и через несколько часов были на Камчатке?..

Вовка никак не ожидал такого от Лены. Надо же такое придумать...

-Да ты... да вы что... и даже не думайте ничего такого про...

Вовка чуть было не задохнулся от такой «нелепой» нелепости.

«Эх, знала бы ты, что, если бы не мы с Сашкой, если бы не Эльтина, то вряд ли бы этот лайнер смог совершить такую «мягкую» посадку»... разбились бы все – и команда и пассажиры...»

Вовка еле смог отряхнуть свои мысли от наваждения...

Самолёт лежал на брюхе чуть набок в самой густой тайге. Стоило больших трудов пробираться вдоль его борта. А вот и хвост, вернее, то место, где он должен быть. Но задняя часть самолёта задрана высоко вверх и с земли ничего не видно, несмотря на то, что Вовка попытался отойти подальше по следу и бурелому, оставшегося в обе стороны от могучего фюзеляжа во время падения.

- Не падения, а посадки, - поправил Сашка Вовку. – За такую посадку надо Героя давать...

Вовка вспомнил, что Сашино детство прошло в ростовском Военведе возле военного аэродрома. Вспомнил и то, что Сашка сам в детстве мечтал быть лётчиком. Да вот мать не захотела. Уж очень часто с аэродрома доносились звуки похоронного марша.

- Вполне могут дать, - согласился Вовка насчёт Героя. - Это тебе не Ан-2 посадить...

А вот известный девчонкам люк. У них специальные ключи.

- Разве изнутри нет прохода в багажный отсек? – представляет Вовка тот самый лёгкий трап, по которому они спустились.

- Пробовали открыть, но там намертво заклинило что-то. Механик со штурманом пытаются открыть, а нас сюда послали...

- Вы лучше нам покажите, где открывать и как, а то ещё свалитесь нам на голову.

- Нет уж, - сразу упёрлась Лена. – Я тут старшая и мы специальные тренировки проходили. А вы лучше поддерживайте снизу...

- А как же ваши юбочки?..

- А вы не смотрите... бессовестные...

- Попробуй тут – вытерпи, - сквозь зубы процедил Сашка, но его услышали.

- Ребята, перестаньте... держите трап.

Лена сноровисто полезла вверх, ловко переставляя ноги в шпильках по балясинам.

Как ни странно, но шуршала замками она недолго.

- Осторожнее!.. Люк открывается вниз!..

И вот уже Лена скрылась в багажном отсеке.

- Вера, поднимайся! – высунулась она через секунду. – Весь багаж сбился в переднюю часть, надо перетаскать половину назад.

-А мы то что?.. – забеспокоились Вовка с Сашкой, что они останутся без дела.

-Пусть кто-то один поднимется, а другой на всякий случай останется внизу.

-Сашка лезь, а я пока осмотрюсь вокруг самолёта, особенно сзади...

Сашка молча глянул на Вовку, провёл глазами от головы до ног.

-Ты тут только не забуришь в джунглях-то. Это тебе не твоя берёзовая роща...

Чёрный чемоданчик

Вовка решил присмотреть и выбрать подходящее дерево, на которое можно было бы забраться и заглянуть внутрь фюзеляжа максимально с близкого расстояния.

Такое дерево нашлось быстро. Да тут можно было залезть на любую сосну – главное добраться до нижних веток, которые начинались не ниже пяти метров от земли. Но Вовке ничего не стоило залезть и на узкий шест под самый потолок спортзала, да и по деревьям в детстве он напрыгался не хуже обезьяны из джунглей.

Ближайшее дерево оказалось едва ли не впритык к рваному краю, из которого торчали лохмотья теплоизоляции, какие-то конструкции, непонятные для морского специалиста, каким считал себя Вовка после мурманской практики.

-Да здесь же можно даже внутрь залезть!..

Но лезть по гладкому стволу с еле выступающими шишками от опавших веток в кожаных туфлях с каблуками (Вовка и в училище позволял нарушать форму одежды по мелочам) всё же несподручно. Он снял туфли. Подумав, повесил их на ветки поднимающегося молодняка.

Вовка плотно обхватил дерево, толщиной с обычный телеграфный столб, подтянул к рукам колени, перехват, ещё перехват... И вот он уже опёрся на нижние ветки, а тут всего-то осталось метра два, которые он преодолел за секунды.

-Ё-моё... Сашкин чемодан на месте, а у меня ни стульчика, ни чемодана...

Так и есть. Разрыв корпуса пришёлся так, что Сашкино кресло и прибившийся к переборке чемодан, оказались нетронутыми. Зато того места, где «заседал» Вовка, не оказалось вовсе.

Вовке ничего не стоило перешагнуть на закраину рваного корпуса. Он прошёл по гнущимся листьям к Сашкиному стульчику. Присел. Пустыми глазами посмотрел в пространство перед ним. Его охватила невероятная жуть. В голове снова колокольный звон, спина и ноги не чувствуются – будто их нет совсем. Но вот откуда-то прикатило:

«Вряд ли бы и Сашка удержался... Тут, наверное, такой ветродуй образовался, когда разрыв получился... Но как же чемодан-то зацепился?..»

Потом Вовка подумал, что хвостовую часть вместе с килем высотой с трёхэтажный дом сорвало уже при касании деревьев. В принципе падать было невысоко, но скорость...

«Всё равно всмятку было бы... Лежали бы сейчас каждый под своим кустом, а кругом всякой твари...»

Но надо было спускаться. Вовка сбросил чемодан на мягкую таёжную подстилку, легко переступил на ветки дерева и быстро соскользнул вниз.

-Где шляешься? – встретил его Сашка, выглянув из люка. – Уже сколько высматриваю...

-Перебросили багаж что ли?

-Заканчиваем... так что держи трап.

-А это видел? - приподнял повыше чемодан Вовка.

-Ё-моё! Мой гардеробчик!..

Сашка махом выпал из люка. Вовка обратил внимание, что у него чуть дрогнули руки, когда он открывал крышку.

-Ты смотри-ка! Всё в том же порядке, как я укладывал... даже бутылка не разбилась...

-А с чего ей разбиваться? Ты её так укутал, будто заранее знал, что случится...

-Типун тебе куда не надо... ты не знаешь, что это за бутылка. Смотри...

И в самом деле, на четырёхгранной бутылке тёмно-зелёного стекла снизу вверх по диагонали шла золочёная надпись «Без времени не открывай, без головы не закрывай»

-От родного деда бутылка досталась. Так что она мне так же дорога, как тебе твои записные книжки...

Спустившиеся Лена с Верой, тоже сильно удивились появлению чёрного чемоданчика.

-А твой где же?

-Там не только моего чемодана, там даже моего сиденья нет вместе с бортом... Лена, как бы договориться с ко-

мандиром, чтобы он разрешил нам пройти назад по следу ... посадки?

-Да разрешит, наверное. Вы же не детишки семилетние...

А Сашка раздухарился:

-Девчонки, давайте во спасение наших душ. Как тут написано. Ведь самое время.

-Что вы!.. Какое там время... да ведь у нас на борту сейчас действует настоящий закон военного времени. И вам категорически не советуем...

Похоже, Сашка быстро понял и упаковал назад своё сокровище.

А в багажном отсеке обнаружена большая рваная щель в самом низу. Но было похоже, что заметного урона через эту щель не произошло. Скорее всего, она образовалась уже при прямом контакте фюзеляжа с поверхностью земли.

-Вы ребята только будьте серьёзнее. Это не прогулка в парке, - чуть не дословно повторил командир Сашкины слова в адрес Вовки. – Прошу быть внимательнее по всем вопросам.

На поиски

Сашка примостил свой чемодан под сиденьем и спрыгнул к ожидавшему внизу Вовке.

-Командир сказал, что хвостовая часть вместе с килем, если тот не отвалился, метров пять высотой, - выдал Сашка информацию. - И стабилизаторы в разные стороны по столько же. Так что издали должно быть видно.

-Хвост-то мы найдём, если он ещё в Красноярске не отвалился, а вот чемодан... Да ещё он ведь мог и раскрыться, тогда и вовсе пиши пропало...

Правда, в этом смысле Вовку утешало то, что чемодан новый. Его подарил старший брат Гена специально перед отлётом на Камчатку. Всё же у новых замки покрепче.

-Ты смотри-ка!.. Грибов-то! – опять запрыгал козлёночком Сашка. – Да и ягоды!..

Вовка любил собирать грибы. Но разве сейчас до них.

-На обратном пути соберём, - остановил он Сашку. – Попросим девчонок поджарить. Может, тогда и бутылку твою...

Тайга, похоже, уже успокоилась от грохота падения неизвестного ей тела. Кругом что-то цвиркало, свистело, ще-

бетало. То и дело с веток срывались большие птицы, исчезая в густоте переплетённых веток.

-Вовка, а что, если и правда звери?

-Тигров тут нет, они только на дальнем Востоке сохранились. Волки летом и без людей сытые...

-А медведи... и откуда ты знаешь, что мы сейчас не на Дальнем Востоке? А всякие там рыси, росомахи...

Вовку царапнули по спине мурашки.

-Ты бы меньше об этом думал, лучше по сторонам и под ноги внимательнее смотри...

Но всё же Вовка присмотрел крепкий сук, который они вдвоём выломали от какого-то крючковатого дерева. Таким же образом вооружился Сашка.

-Надо обязательно держаться вместе - друг друга не бросать!..

Солнце понималось всё выше, освещая искусственную просеку. Но идти через поваленные деревья, переползая под их лежачими кронами, было тяжело. Давно уже исцарапаны руки и лица. Кое-где до крови. Но, странное дело, никаких заметных ошмёток от самолёта, только на отдельных свежих остроугольных пеньках следы краски и пока все... А тут и Сашка как раз в тему.

-Ты знаешь, что я думаю?..

-И что же?

-Хорошо, что сейчас не зима с трескучими морозами, а только осень, да притом такая затяжная и тёплая...

-Эх, Саша мне бы твои мысли...

-Да найдётся твой чемодан, брось так громко переживать.

Вовка молча смотрел по сторонам. Неизвестно, сколько они прошли от самолёта, но и сам лайнер и даже его бесхвостая задняя часть, давно скрылись из вида. Вовка засёк по времени – они шли уже больше часа.

«Значит, с учётом проходимости, не больше двух километров...»

-Вовка!.. Вовка!.. – вон она, наша алюмишка!.. – первым что-то узрел Сашка. – Вон, в правой стороне от лесоповала...

Вовка уже и сам увидел, бросившись напрямую к белешему металлу...

«На что я надеюсь? – на ходу мельтешило в голове. – Ведь чемодан мог выпасть в любом месте и даже гораздо

дальше от того места, где приземлилась эта хвостатая «железяка».

Громадный обломок величиной с половину железнодорожного вагона торчал, уперевшись килем вниз. Одного стабилизатора не было, вместо него тоже зияла большая рваная рана с острыми углами.

-Ну, и где же тут искать? – пробормотал Сашка. – Разве что вокруг походить...

А Вовка уже понял, что он был прав в своих размышлениях о нереальности поисков. Особенно в этом буреломном месте.

-Искать и в самом деле негде, друг Сашка, - хмурился и вздыхал Вовка. - Сдуру сюда припёрлись. Да ещё я командиру наплел...

Вовка и впрямь сказал командиру, что у него в чемодане все документы, включая мореходский диплом и направление, без которых хлопотно будет устроиться на суда заграничного плавания.

«Когда-то ещё удастся восстановить документы при современной бюрократии...»

А документы были надёжно упрятаны в большом нагрудном кармане бушлата. На этом настоял отец, памятуя о том, что у Генки однажды своровали чемодан на вокзале, во время его поездки на вступительные экзамены в Одесскую мореходку.

Так и не поступил тогда Генка в мореходку, а то были бы в одной сухопутной семье два моряка.

«Ничего, это же ложь во спасение, тем более, что от этого хуже никому не стало..»

-Ладно, - опять шумно вздохнул Вовка. - Что делать будем?.. Скорее всего, надо возвращаться, а то уже почти два часа гуляем в лесу... Обратный путь почти столько же по бурелому...

Эльтина

В немногие часы после крушения Вовка всё время думал об Эльтине. Не факт, что он разговаривал с Сашкой, с Леной, думал о поисках своих записных книжек и фотоальбома. Эльтина всё время находилась то в какой-то закраине черепной коробки, то до отказа заполняла ту его мозговую часть, которая и занимается мышлением.

«Где она сейчас?.. Скорее всего, она проконтролировала нашу «мягкую» посадку и теперь наблюдает за нами. Ведь она сказала, что была в курсе моих дел даже во время моей учёбы в мореходке. А в первый раз я и встретился с ней как раз за пару недель до отъезда из Зеленогорска в Ростовскую мореходку... Но почему она ни разу не вышла на контакт за четыре с лишним года?.. Значит, не было необходимости... даже тогда, когда я чуть не утоп в Баренцевом море?..»

Такую мешанину из вопросов и собственных ответов Вовка нёс в голове. Он намеренно крутил головой по сторонам, пялился на вершины деревьев, до рези в глазах вглядывался в небо, надеясь уловить хоть какой-то знак, но ничего не давало повода даже для ошибки.

«Может, она не хочет проявить себя, пока я рядом с Сашкой? Но ведь был момент, когда я достаточно долго пробыл один сзади самолёта...»

-Что замолчал, как мумия? – чуть пристукнул Вовку по спине Сашка. – Люди вон, бывает, чего теряют, а ты...

-Да ладно...

-Я тебе вот что присоветую: как только прилетим на Камчатку, обзаведись большой тетрадью и пиши туда все воспоминания. Думаю, что большой беды ни для кого не станет, если немного не будут совпадать даты...

Вовка то ли слушал, то ли нет, но он вдруг резко остановился.

-Тихо! –шёпотом прокричал он, глядя на Сашку.

-Что такое? – раскатал глаза Сашка, глядя в том направлении, в котором сосредоточился Вовка.

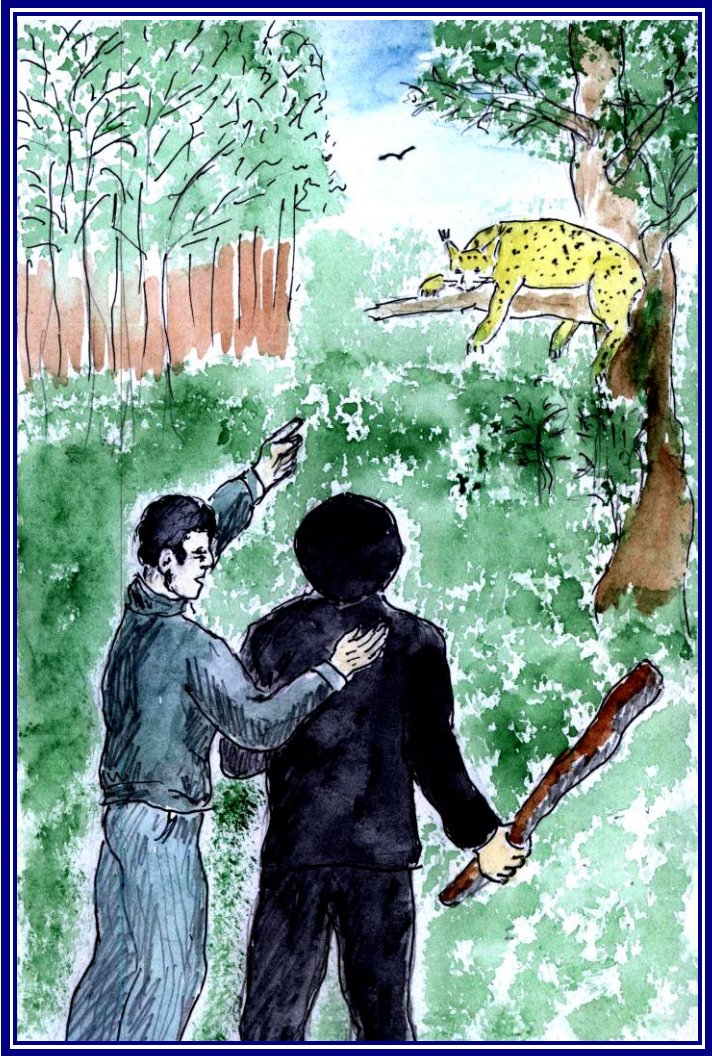
На толстой нижней ветке недалёкого дерева в позе сфинкса сидела... рысь.

-Видишь?..

-Вижу...

У ребят оставались в руках те самые крепкие суковатые палки, которыми они помогали себе раздвигать ветки упавших деревьев для прохода. Но рысь - это далеко не собака, от которой можно отмахнуться такими палками.

Из головы куда-то сразу исчезла Эльтина. Вовка лихорадочно старался вспомнить всё, что он знал о рысях из охотничьих рассказов, из фильмов. Память подсовывала только то, что рысь одна из самых умелых и жестоких охотников. Она не раздумывая бросается и поражает жертву, если даже та намного превосходит охотницу в размерах.

Что делать? Идти прямо – как раз под ней... обойти?
-Давай стороной обойдём, - угадал Вовкины соображения Сашка. – Зачем мы ей нужны?..

Вовка продолжал стоять в тупой нерешительности, а может и в гипнозе..

-Вам не надо меня обходить, - услышал он, наконец, знакомый голос. – Это я...

Вовка, долго ждавший этот голос, даже не удивился. Он посмотрел на Сашку.

«Слышит ли он Эльтину?..»

Но было похоже, что и в этот раз Эльтина общается только с ним.

«Он ведь хороший парень – почему вы не откроетесь ему?..»

-Я как раз собираюсь это сделать.

Рысь грациозно привстала на ветке, но вот прыжок, высокие ноги красиво изогнулись, принимая на себя массу тела, амортизируя, словно сильные и одновременно плавные пружины.

-Вовка, она же к нам идёт!..

-Не бойся... эта очень даже знакомая мне рысь. Мы с ней друзья...

-Брось молоть! – встал в стойку Сашка...

Вовка хоть и глядел во все глаза, но так и не уловил момента, когда рысь превратилась в девушку Эльтину...

Эх, вот когда Вовке надо было хотя бы на пару секунд отвлечься от Эльтины и глянуть на друга Сашку!.. Его руки, ещё мгновение назад крепко, до ярко белых костяшек, сжимавшие дубинку, разом обмякли. На лице буря эмоций, в широко раскрытых голубых глазах безграничное удивление, смешанное с восхищением и остатками отчаянного страха.

Только что до боли крепко сжатый рот, медленно раскрылся, как люк некоего автоматического устройства, да так и остался полуоткрытым.

Вовка тоже во все глаза смотрел на Эльтину. В этот раз она была не в том золотистом платье, в котором Вовка видел её в замке Эльтигены. На ней обтягивающее трико того же золотистого цвета, но с тёмными пятнами, которых почти нет спереди, но зато много по бокам и на спине. Пышные волосы сегодня спрятаны под шапочку такого же цвета. На ногах обычные девичьи кроссовки в тон остальному обличению.

-Саша, прошу придти в себя, - прозвенел мелодичный голос. – Тебе скоро будет всё ясно...

-Можно мне? – чуть с подобострастием спросил Вовка, когда они все трое присели на свежеповаленное дерево.

-Конечно...

-Так вот, Сашка... надеюсь, ты помнишь, что ещё на первом курсе я пытался рассказать вам кое-что из того, к чему ты сегодня пришёл сам... Тебе, Сашке Дьякову, Лёшке Педченко - и все вы мне не поверили, и даже подняли на смех, как фантазёра и чуть ли не психопата. Но я вовремя понял и перестал докучать вам своими воспоминаниями.... Теперь веришь?..

-Верю, - икнул Сашка, – как тут не поверить...

-Ничего больше не скажешь?

-Да что мне говорить? Я лучше пока послушаю...

Вовка вопросительно посмотрел на Эльтину. Ах, как она была сейчас похожа на его ростовскую Наденьку. Те же огромные глаза с пушистыми тёмными ресницами и бровями, те же яркие губы на фоне чуть розоватых щёк, прямой нос и овал сужающегося к мягкому подбородку лица.

-Не надо так на меня смотреть, - неожиданно жёстко заявила Эльтина.

Вовка запнулся, поджал губы.

«Да... плохо всё же, когда так запросто читают твои мысли...»

-Вот, вот, друг наш Володя...

-Да разве я... тут не захочешь - подумаешь...

-Ну, хватит об этом...

Эльтина приобрела серьёзное лицо, внимательно посмотрела на Вовку.

-Итак, я к тебе, а теперь получается, что к вам, с предложением. Мы проанализировали твоё поведение и поведение твоих друзей во время вашего первого путешествия во времена крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачёва...

Вовка чувствовал, что Эльтина внимательно наблюдала за его реакцией. Но пока он ничего не понимал...

-Мы считаем, что ты и твои друзья вели себя вполне достойно во всех ситуациях, некоторые из которых были действительно опасными и трудными для решения.

Вовка вспомнил, как Алька Арсланов попал в плен к Михельсону, как они освобождали его, а потом и пленных

пугачёвцев... Как вышла кровавая стычка на донском острове Зелёный... А речные пираты!.. Да мало ли...

-И мы, а это значит Эльтигена и Эльтины, одной из которых, как уже тебе известно, являюсь я, решили предложить тебе и твоим друзьям новое путешествие во времени и пространстве. Но в этот раз оно будет сопряжено с неким поручением, о котором вам станет известно очень скоро...

Видя, что Эльтина настроилась на паузу, Вовка вклинил вопрос:

-А как же Камчатка, как наша работа?.. Ведь нас там ждать будут...

Эльтина неожиданно широко улыбнулась:

-Володя, такой вопрос мог бы задать Саша, а не ты. Разве я не сказала, что у вас будет путешествие во времени и пространстве?..

Вовка театрально хлопнул себя в лоб:

-Прости, Эльтина, меня неразумного!.. Кстати, ну почему о первом путешествии из всех моих ребят помню только один я?!.. Вы знаете, каким я выглядел идиотом, когда приставал к ним со своими, по их разумению, бреднями?..

-Ещё вопросы есть? Давайте сразу все, а я уж постараюсь ответить.

-А для чего вы превратились в рысь? - осмелел Сашка.

-Вопрос номер два... слушаю дальше...

-А с Поливельтом ваше новое предложение согласовано? И как это ты заглянула в иллюминатор самолёта?.. Хотя я тоже всё больше уверяюсь в ваших неограниченных возможностях.

-Ну, ты и бюрократ, Володя - согласовать, видите ли, надо... естественно, он будет знать об этом, но ваши предстоящие, скажем так, приключения вне границ его интересов, и он будет держать нейтралитет до того момента, пока...

-Что пока?..

Вовка как вчерашний вечер помнил, тот день, когда Витька Венедиктов попал «в гости» к одному из Вельтонов в подземный шар. И как для того, чтобы освободить его, им с Генри Паркером пришлось переместиться в добрую, старую Англию. Там они вместе с Эльтигеной вели переговоры с Поливельтом, которые, слава Богу, окончились взаимовыгодной договорённостью...

Эльтина на вопросы стала отвечать сразу, не раздумывая – видимо, она их предвидела, и к этому была готова.

-Итак, почему мы сохранили память о первом путешествии только у тебя?.. Просто мы не можем появляться не только в реальности, но и в мыслях сразу у большого количества людей. Удовлетворён ответом?

-По правде говоря, не совсем. Значит, по окончании наших предстоящих отношений, вы опять отключите память, по крайней мере, одного из нас со всеми вытекающими?..

-Сложный вопрос... но наши законы действуют уже тысячелетия и они неизменны. Ты мог бы построить вопрос иначе.

-Как же?

-У кого из вас сохранится в памяти предстоящее путешествие?

-И что же вы скажете в ответ на этот, по-моему, тоже непростой вопрос?

-Это вы узнаете только по окончании, как ты сказал, наших отношений...

-Вот ответ так ответ!

-Другого не будет.

Эльтина приобрела каменное выражение лица, которое было совсем ей не к лицу, по крайней мере, по человеческим меркам. Но вот она повернулась к Сашке.

-Что же до твоего, Саша, вопроса, то тут ещё проще – мы тоже любим пошалить...

Вовка отметил, что Эльтина снова стала сама собой. Странное дело, но его кольнуло чувство ревности. Но следующий вопрос он задал не по этому поводу:

-Эльтина, раз уж мы договорились начистоту, то как-то неуютно, когда знаешь, что твой собеседник, особенно собеседница, знает твои мысли чуть ли не на три шага вперёд. Нельзя ли придумать что-то другое?

-Предлагаешь внутрь меня поставить выключатель! – продолжала веселиться Эльтина.

-Ну, нет, так нет, - в который уже раз глубоко вздохнул Вовка.

-Да ведь это происходит только при прямом общении. А вот когда мы разойдёмся, то вы предоставлены сами себе – думайте, что хотите... Правда, я периодически буду наблюдать за вами для вашей же безопасности...

-И на том спасибо...

-Эльтина, вы сказали, что возможен какой-то момент, когда мы можем пересечься с интересами Поливельта. Чем это нам грозит?

-Не волнуйся, Володя. То кольцо, которое ты сохранил, снова обретёт силу, которой обладало во время первого путешествия.... Кстати, чтобы не путаться давайте перейдём на «ты». Мы, Эльтины, между собой всегда на «ты»...

-Это было бы здорово, - искренне согласился Вовка.

-Так что договорились и по этому поводу, - закончила, как оказалось, только вступительную часть Эльтина.

Кто бы мог предположить...

Эльтина встала, ребята тоже сделали попытку приподняться.

-Нет, нет... вы пока сидите. Так мне удобнее, да и вы будете видеть меня, как когда-то своих преподавателей...

Эльтина снова посмотрела вокруг себя, взглянула на небо. Вовка даже подумал, что у таких, как Эльтина тоже бывают свои привычки. Эльтина посмотрела на него, но ничего не сказала.

«Опять прочитала...»

-Итак, для начала я хотела бы вас спросить, что вы знаете о кругосветных путешествиях?

Можно было бы спросить и чего-нибудь потруднее. Ребята, даже чуть с гонором, рассказали ей о первом кругосветном плавании Магеллана, о Колумбе, о Витусе Беринге и, конечно же, о Крузенштерне и Лисянском...

-А вот о последних я бы попросила чуть подробнее...

-Да, пожалуйста!..

Сразу оба, но, стараясь не перебивать друг друга, рассказали, что Иван Фёдорович Крузенштерн и Юрий Фёдорович Лисянский - великие русские мореплаватели, адмиралы, командиры в первой русской кругосветной экспедиции. Да их портреты, наряду с портретами других выдающихся мореплавателей мира, висели и висят на стенах многих аудиторий в их училище...

-Юрий Лисянский, правда, адмиралом не стал, - слегка поправила Эльтина, - Но это не умаляет его заслуг перед Россией.

Они знали и то, что кругосветная экспедиция на шлюпах «Надежда» и «Нева» была совершена в самом начале 19

века, что шлюпы эти вышли из Петербурга, обогнули Европу, Южную Америку, через Тихий океан дошли до Дальнего востока России и бросили свои якоря на Камчатке. За время путешествия было открыто множество новых земель и новых островов...

-Неплохо, очень даже неплохо для начала. Хорошие у вас были учителя в мореходке...

-А про Беллинсгаузена и Лазарева, про Врангеля, про Литке – про них не надо?..

-Они тоже всячески достойны, чтобы говорить и о них, но сегодня речь идёт только о первой русской экспедиции, - свернула разговор о мореплавателях Эльтина.

«Но при чём тут - в середине сибирской тайги Крузенштерн и Лисянский?..» - потерялись оба в самых неожиданных догадках.

-Ребята, как ни странно, но даже я не решаюсь вам сказать о нашем предложении. Позвольте, я наберусь смелости...

«А я-то, было, подумал, что она не подвержена человеческим эмоциям...»

Вовка тут же уловил взгляд Эльтины, но она снова промолчала.

-Мы предлагаем вам принять участие в первой русской экспедиции под руководством Ивана Крузенштерна...

Наступила резкая тишина.

Куда там гоголевскому «Ревизору» с его немой сценой. Вот где была сцена, так сцена!..

Вовка подскочил с дерева и замер в полёте. Сашка наоборот откинулся на поддерживавшие его ветки. А то бы он все кувыркнулся. Вовка еле протолкнул куда-то вглубь образовавшийся комок. Но это не помогло ему выразить какую-то реакцию на слова Эльтины. Сашка, чуть слева и внизу, видно, переживал нечто подобное.

-Ты понял? – поднял он глаза на Вовку.

-Ещё как понял, - не сразу ответил Вовка. – Только я не думал про возможность собственного участия в кругосветном плавании.

Эльтина внимательно смотрела, изучая «бурную» реакцию друзей.

-Ну и что?..

-Мы согласны, - как в омут шагнул Вовка. – То есть, я согласен...

Конечно же, Вовка вовремя сообразил, что он не имеет «никакого полного права» отвечать за Сашку.

-Я тоже, - нисколько не раздумывал Сашка. - Можно было бы и не спрашивать.

-Я тоже не сомневалась...

Но у Вовки снова «тысяча» вопросов.

Он помнил, как они оказались во времена Пугачёвского восстания. И как они нелепо выглядели среди современников Пугачева. Но тогда сколько-нибудь продолжительных контактов ни с кем не было. Для всех они были обычными чужеземцами в своих кроссовках, джинсах и олимпийках...

А здесь ведь долгие месяцы бок о бок с командой, с офицерами, с самим Крузенштерном и Лисянским!.. Да и что они соотносят в морском парусном деле!?..

-Но я знаю, что вы были на паруснике...

-Когда?..

-А баркентина «Альфа»

-Баркентина «Альфа»?!.. Да ведь это было всего-навсего однодневное плавание из Ростова до Азова...

-А вы прикиньте, много ли молодых людей вашего возраста, да ещё в ваше время имеют в своём активе даже такое путешествие.

-А курсанты из Ленинграда, которые проходят практику на самом большом в мире паруснике «Седове»... А курсанты из... Нет, Эльтина, ты не думай, что мы струсили или ещё что-то. Просто лично я очень боюсь опозориться...

-Это тоже нами предусмотрено. Вы будете приняты в Морской кадетский корпус, который окончите как раз ко времени начала экспедиции.

Вот это другое дело...

-И сколько же лет опять учиться? – совсем освоился с Эльтиной Сашка.

-Курс три года, но я прошу не забывать, что у Володи в распоряжении Кольцо, обладающее огромной силой. По сути, вы оба, правда, с помощью этого Кольца становитесь властелинами времени и пространства...

-Появимся мы в Морском корпусе, а там спросят – откуда вы такие...

-А что вы отвечали на этот вопрос в прошлом путешествии?..

-Что мы из Швамбрании...

-Вот и славно... так отвечайте и в этот раз...

Вовка, уже имея большой опыт, знал, что главное не завираться. Сказал «из Швамбрании», а дальше... дальше пусть не спрашивают!..

-Так что все ваши документы уже находятся в канцелярии директора Морского корпуса. Ваше появление там не будет ни для кого вопросом, требующим дополнительных разъяснений.

А Вовка уже думал о том, в какой год и куда им переместиться.

-Мы вам поможем и в этом...

На самолёте

Прошло не меньше четырёх часов, как ребята покинули самолёт. Больше всех беспокоилась Лена, которая поручилась перед командиром о том, что «ребята вполне серьёзные, ничего лишнего себе не позволяют...»

-Они не придумали совсем уйти с самолёта? – вкрадчиво спрашивала Вера. – А то Володя очень уж переживал за свой чемодан.

-Да у него же там все документы, - пыталась оправдать затянувшееся отсутствие ребят Лена. – Вот и волнуется парень...

Командир тоже пытался скрыть беспокойство. Скорее, перед самим собой:

-Ну, торопиться всё равно некуда. Нам тоже пока ждать и ждать, - всё же хмурил он брови. – А пока наша задача максимально успокаивать пассажиров, обеспечивать им все удобства, которые возможны в такой обстановке.

Через каждые четверть часа бортпроводницы информировали пассажиров о ходе подготовительных работ, связанных с эвакуацией более чем сотни пассажиров и членов экипажа из непроходимой чащи в районе впадения реки Олекмы в самую большую реки Сибири - Лену.

-До Якутска около семисот километров, до Магадана свыше полутора тысяч, до Петропавловска–Камчатского – пункта следования три тысячи, до Москвы в обратную сторону семь тысяч...

Единственный способ эвакуации (о спасении уже речь не идёт) - по воздуху. А это означает на вертолётах. Но самый известный вертолёт МИ-8 брал на борт всего только 24 человека... Да и дальность этих машин не превышает всего

240 километров в один конец. То есть, сначала надо перебазировать хотя бы два вертолётa на расстояние не более двухсот километров от места вынужденной посадки пассажирского лайнера, и только тогда организовать непосредственно эвакуацию...

Ближайший населённый пункт – Олекминск. Именно туда необходимо доставить вертолётa, туда же и вывезти всех людей из района крушения.

Над этим и многими другими вопросами, связанными с вынужденной посадкой в глухой сибирской тайге, ломали головы многие специалисты из многих авиационных и других контор вплоть до столицы родины – Москвы....

Лена и Вера утешали себя тем, что продуктов на лайнере достаточно – загрузились полностью в Красноярске. Их должно хватить, насколько бы ни затянулось время эвакуации. Они то и дело разогревали и разливали еду и напитки, разносили их по салону.

«А ведь парни-то по тайге бродят голодные» - вспоминала Лена, в который уже раз проходя мимо закутка, где устроились Вовка и Сашка после аварии. – И чего они там ищут иголку в стоге сена... хотя бы по бутерброду взяли...

Она гнала прочь самое страшное – встречу с дикими хищниками... а ведь можно было и просто заблудиться...

-Что же они – совсем без головы? - бурчал командир. - Ведь разговор был только о том, что они пойдут по следу, оставленному самолётom во время посадки... К тому же оторвавшаяся часть должна быть не далее пары километров...

А о хищниках он думал примерно так же, как и Вовка:

-Осенью не нападут, да и не Африка тут со львами и крокодилами...

Рядом с одним из стульчиков висит Сашкино пальто, под стульчиком его же чемодан, который нашёл Вовка. Ещё одно доказательство, что парни не чокнулись со страху, и не ломанулись в тайгу, чтобы непременно спастись в одиночку.

Но, в очередной раз загрузившись подносами, Лена не увидела ни пальто, ни чемоданчика.

«И с чего это я взяла, что тут были какие-то парни» - вдруг подумалось ей.

Больше ни командир экипажа, ни Вера, и никто из пассажиров о ребятах не вспоминали – и Вовка, и Сашка просто исчезли из их памяти. А в списках пассажиров этого рейса они и вовсе не значились....

В Морском корпусе Первые знакомства

Вовка всё же не очень-то хотел снова вставать в курсантский строй на целых три года. Пусть даже это строй настоящих гардемарин. Тем более, он был начитан о порядках в военных училищах того времени. Это тебе не экипаж на улице Обороны, где тоже, порой, brave старшины доводили шагистикой прочих курсантов до временного отупения. Так что это только начало вопросов...

Сашка разделял его мнение. Но сколько уже можно задавать вопросов Эльтине и смотреть ей в рот, как новорожденные пингвины.

-В этот раз я сама установлю вам время и место, куда вы сейчас переместитесь, - заявила Эльтина. - А дальше, как говорят, действуйте по обстановке.

Вовка видел, что Сашка чувствует себя, мягко говоря, неуверенно. Сам он прошёл через это четыре года назад, и за это время несколько не забыл того непонятного ощущения: и не сон, и не явь... никакого чувства своего тела – оно отсутствует. Ни рукой, ни ногой не шевельнуть, в голове мыслей нет, но и колокольного звона нет – ничего нет. Хорошо, что это длится считанные секунды – неизвестно, к чему это могло бы привести.

Но эти свои соображения он не мог передать Сашке. Он просто сказал:

-Не бойся – я с тобой...

...Перед ними широко растянутое здание то ли в три, то ли в четыре этажа. На крыше по сторонам две небольшие ротонды с куполами. Средняя часть здания украшена белыми колоннами, выступающими из стен. Высокие и широкие двери настолько массивны, что одному человеку их вряд ли открыть, по крайней мере, так кажется.

Сзади, прямо напротив здания корпуса, тихо плескалась Нева. Вовка машинально отметил, что с этого места крейсера «Аврору» не видно.

«Какая «Аврора»?!.. Мы же на сто двадцать лет раньше» - быстро опомнился он.

-Я так думаю, что это и есть Петербургский Морской кадетский корпус или Школа гардемаринов, основанная самим Петром первым, - глубокомысленно изрёк Сашка.

-Надо полагать...

Вовка почувствовал, что ему пора взглянуть на кольцо. На прямоугольнике кольца чётко высветилось:

«22 октября 1799 годъ»

«Год рождения Пушкина» - автоматически отметил Вовка и уже вслух сказал:

-Сашка, не забудь, что в правописании здесь существительные оканчиваются на «ять».

-А я где-то читал, что не все существительные...

-Ладно, по ходу разберёмся...

В этот момент неприступные на первый взгляд двери плавно открылись, и ребята вошли в полумрак огромного вестибюля.

-Господа, прошу пройти ко мне!..

Повернувшись на голос, Вовка увидел, как ему показалось, самого адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова. Настолько внушительен был офицер непонятого звания в треуголке, камзоле, высоких ботфортах и при шпаге.

-Кто из вас Александр Назаров, и кто Владимир Панин? – услышали ребята.

Вовка чуть ткнул Сашку в бок.

-Ты по алфавиту раньше... - шепнул он ему прямо в ухо.

Сашка сделал три шага вперёд, щёлкнул каблуками и выпятил грудь. Именно так выходили из строя курсанты по вызову старшин.

-Отрок Назыров Александр прибыл для прохождения морских наук в вашем морском кадетском корпусе...

Вовке не составило труда повторить Сашкин выпад.

-Платон Яковлевич Гамалея – главный инспектор классов. Впредь обращаться ко мне «Ваше благородие».

-Есть!..

Офицер лично проводил бывших ростовских мореходов на третий этаж.

-Вот ваш дортуар, располагайтесь.

-Благодарим покорно... ваше благородие...

Офицер нахмурился.

-В нашем языке нет слова «покорно». Сие личит штатской братии, а не гардемаринам флота Его Величества.

Офицер ещё раз чуть косо, но внимательно осмотрел новых воспитанников.

Вовкин флотский бушлат с бронзовыми пуговицами «под золото, с пятью курсовками на левом рукаве, а главное мичманка с крабом, явно заинтересовали офицера. Он почувствовал военную выправку.

-Вижу, не статского сословия будешь... что за мундир?..

-Имел честь окончить Мореходские классы в Швамбрании...

-Какого чина будешь?

-Кадет выпускного курса...

Вовка выпалил ответы, которые сами собой пришли на его язык.

Офицер, похоже, удовлетворился ответами. Он переключил внимание на Сашку.

-А у тебя что за чухонское платье?.. По какому такому чину?

Вовка напрягся. Надо было спешить на помощь Сашке. Но тот бойко отрапортовал:

-В нашем швамбранском краю все в таком обличье. Яко же и на ваших прощпектах люди и женщины не по нашему одеты...

-Чтобы к завтраму были как все прочие гардемаринны... о распорядке вам сообщат...

С тем инспектор-наставник вышел.

Общение с первым наставником, пожалуй, оставило больше вопросов, чем ответов.

-Значит, теперь я Александр Назаров, - задумчиво глянул в высокое, узкое окно Сашка. – Совсем обрусел.

-Ну и что такого?..

-Да я же везде пишушь татаринном....

-Побудешь русским, а потом снова станешь татаринном, так что шибко не переживай.

-Нет уж... русских и кроме меня кругом навалом. В том числе и моя мать... белоруска. Так что я останусь Назыровым. Как мой отец... и дед...

-Кто был бы против. Объяснишься, когда на это придёт время...

Ребята присели на койках.

-А тут не то, что наши пружинные, - сразу отозвался Сашка.

-Зато пролежней не будет...

Но с пустопорожней болтовнёй надо было кончать.

-Как же насчёт формы, и где её взять?.. И что хоть представляет форма гардемарина? - проворчал Сашка, не преминув развалиться в койке.

-Ты бы не валялся, - упрёкнул его Вовка. - Это у нас в личное время можно было плюхнуться одетым в койку, а тут ещё посадят в холодную... я думаю, надо пройтись по коридорам, авось встретим однокашников...

Оба вышли в полумрак коридора.

-Тут, наверное, форму не выдают. Каждый приобретает за свои деньги, - гадал на ходу Сашка, озираясь по коридорам.

-Скорее всего, так и есть, - согласился Вовка.

А вот и первые, по всему видно, курсан... гардемарины. Навстречу шли два молодых, лет восемнадцати, парня. Одеты они были почти так же, как инспектор Гамалея. Только на их камзолах не было эполет, блестящих аксельбантов, позументов и прочего.... А вот шпаги, почти игрушечные, тоже покачивались у них на левом боку чуть ниже пояса.

-Ну и форма, - быстро зашептал Сашка. - Это же настоящие петровские солдаты...

-Да... в те времена брюки-клёш, мичманок и гюйсов ещё не придумали, - добавил Вовка. - Эта форма огромных денег, наверное, стоит

Похоже, гардемарины тоже сильно удивились, завидев странных незнакомцев. Они остановились, а когда ребята подошли поближе, и вовсе, еле заметно поклонившись, отошли к стене, намереваясь пропустить.

-Простите, но мы бы хотели с вами изъясниться, - продолжал Вовка эксперименты с разговорным языком. - Мы новые воспитанники и пока ничего не знаем о вашем корпусном уставе...

-Имею честь, гардемарин Павел Веснин, - щёлкнул каблуками сильно похожий на Гришку Визира парень.

-Василий Шахнин, - просто добавил второй. - Воспитанник второго года обучения.

Ребята, в свою очередь, тоже представились, стараясь повторить уже сказанное Гамалея.

-Во-первых, как вы правильно называетесь – воспитанники или гардемарины?

-Гардемарины, - ответил Павел Веснин. – Будущие офицеры флота Его Величества. А вы откуда, из каких таких краёв?.. Я, например, из Пскова, а вот Васька из Ростова.

-Ого! – чуть не подпрыгнул Сашка. – Да я ведь тоже из Ростова.

-И я, - решил не выделяться Вовка своим зеленогорским происхождением.

«Да что это я? – сразу вспомнил он, что Павел, скорее всего из Ростова Великого, который веков на пять старше их Ростова-на-Дону. – ладно, потом объяснимся...»

-Не похожи вы на ростовских, - сразу выпалил Василий. – Первый раз таких вижу.

-Мы из другого Ростова, - поспешил Вовка. – Это который в Швамбрании...

-Ну, разве что так, - миролюбиво согласился Василий. – А то и говорите вы как-то непонятно...

Вовка соображал, что надо бы сменить тему разговора, а то можно далеко зайти...

-Нам бы про устав, про вашу форму – где можно взять такую?..

-Так это к нашему Афанасию... тут же – недалече – в Суконном переулке...

Одно прояснилось.

-Так, а будят вас во сколько?

Василий, похоже, опять удивился вопросу. Он даже чуть поджал губы – уж не насмеются ли странные новички над гардемаринами?..

-Так колокол по утрам звонит. Потом в мыльную, а уж потом строиться и к заутрене...

Вовка решил не задавать больше «глупых» вопросов. Как бы не прослыть и в самом деле самыми затурканными чухонцами. Будет утро, будет и ясность. А пока надо просить помощи у Кольца.

Ростовские мореходы поблагодарили Павла и Василия, которые оказались хозяевами соседнего дортуара слева по коридору.

-Милости просим к нам в любое время, - не забыли пригласить соседи.

-Спасибо, непременно зайдём...

-В прошлый раз у нас был лимит на перемещение во времени – всего шесть раз. А в этот раз Эльтина по этому поводу ничего не сказала...

-Ну и что это значит?.. Ты хочешь побегать по времени в поисках формы гардемарина?..

В самом деле...

Вообще-то за формой или не за формой, а Вовка ко времени вспомнил, что ещё во время учёбы в школе в восьмом классе Галька Габдрахманова принесла в класс подшивку журнала «Русская нива» и целую пачку больших бумажных денег, на которых была изображена императрица Екатерина. Вовка чётко помнил, что деньги те действительно были екатерининские достоинством 100, 200 и вроде бы даже больше рублей...

Тут то и появилась мысль «проскочить» в то время и позаимствовать эти деньги у Гальки Габдрахмановой, а заодно и подшивку, на страницах которой как раз и были кругом те самые «ять».

...Вовка продолжал прокручивать в уме предстоящую отлучку в Зеленогорск, когда он очередной раз испытал потребность глянуть на Кольцо. И в прошлый раз и сейчас это выходило непроизвольно - просто что-то внушало ему обязательно глянуть.

Кольцо высветило:

«Суконный переулок – Афанасий...»

Ба!.. Да ведь их новые знакомые только что упомянули это имя и Суконный переулок.

-Пошли!..

Суконный переулок им указал первый же прохожий в мундире чиновника, непонятно какого класса.

-Давно жду, - расшаркался перед ними мужик с волосами в скобку и в широком переднике. – Всё готово, господа хорошие...

И впрямь, через минуту Афанасий вынес из маленькой двери два роскошных камзола, треуголки, порты – лосины, на каждого кучу какого-то белья и ботфорты...

-Прода примерить, господа гардемарины...

Вовка сильно беспокоился, он был уверен, что камзол – это что-то неудобоваримое. Но когда оделся, то оказалось, что камзол – это всего-навсего чуть удлинённый притален-

ный пиджак с высоким воротником стойкой, который недавно опять входил в моду в Ростове.

И шейный платок сразу нашёл своё место, и треуголка и даже яркие, почти декоративные шпаги заняли своё место.

А уж брюки, вернее, вязанные лосины, и вовсе. Никакого мыла не понадобилось, чтобы их натянуть на ноги.

Но белья целый ворох – что с ним делать? Ребята решили взять всё с собой и в дортуаре разобраться с этой неожиданной проблемой.

-Да не буду я надевать эти бабские рюхи, - кому-то доказывал Сашка по пути в корпус. – У меня свои тельняшка, трусы и плавки...

-А помнишь, как в училище мы бастовали против китайских панталон? И как нам дали по наряду вне очереди на камбуз?..

-Помню, конечно...

-А как старшина Величко приказал остальным старшинам на утреннем построении проверять «путьм поднятия штанин», чтобы все курсанты обязательно одевали эти разноцветные китайские подштанники?

-Ты думаешь, что и здесь старшины могут учинить нечто подобное?

-Дураков везде хватает... и во все времена.... Ладно, спросим у соседей...

-А что же с этими шмотками делать?- озадачился Сашка, перебирая пальто и брюки.

-Это не шмотки, а партикулярное или обычное статское платье...

-Партикулярное, - передразнил Сашка. – Всё равно в этом на улицу не выйдешь...

-Положи в рундук, авось сгодится.

Вовка тоже аккуратно сложил свой бушлат и прочее в настенный рундук.

Церковь. Столовая.

Дело клонилось к закату. Время было подумать и об ужине.

-Не пора ли навестить соседей, да спросить, как тут у них с пропитанием? – проявил инициативу Сашка. – А то, признаться...

Соседи явно... зубрили. Оба сидели за столом напротив друг друга и читали что-то из больших и толстых фолиантов, совсем по-детски шевеля губами. Вовка обратил внимание, что книги переплетены то ли тёмной и высохшей кожей, то ли вовсе крашеным деревом.

«Такие книги в наше время, наверное, стоят огромные деньги» - подумал Вовка.

-Мы вам не помешали?

-Да чего там, проходите?... Успеем ещё прочитать...

И Павел, и Василий с неким недоумением глядели на новых гардемарин.

-Да разве вас сразу произвели в гардемарины? – спросил Павел. - И дортуар у вас отдельный...

Только потом ростовчане узнали, в Морском кадетском корпусе воспитанники делятся на кадетов и гардемарин. Причём, чтобы стать гардемарин, надо пройти полный курс обучения в кадетах, выдержать экзамены и только тогда бывший кадет имеет право носить форму гардемарина. А живут кадеты и гардемарины в больших дортуарах сразу по нескольку человек....

Вовка молча слушал:

«Не может быть, чтобы Эльтина что-то перепутала. Значит, так надо, чтобы мы сразу стали гардемаринами...»

-Сие решено не нами. Но токмо мы раньше вашего полный курс наук прошли в другом морском корпусе, а в каком - нам сказывать не велено... там и в гардемарины вышли.

-А кто у вас директор училища? – подключился к разговору и Сашка.

-Директором императорского Морского кадетского корпуса у нас их превосходительство Иван Логинович Голенищев-Кутузов.

-А не родственник ли он того самого Кутузова, который Наполеона разбил?..

-Кого-кого? - вытянул лицо Василий.

Вовка толкнул Сашку в бок и натянуто улыбнулся:

-Да это он начитался книг про Древний Рим, да и бормочет что попало...

Сашка осёкся.

-Ты, Санёк, ещё на раз будешь в подобной ситуации, так что следи за речью.

Вовка безбоязненно произнёс эти слова - он был уверен, что настоящие гардемарины всё равно его не поймут.

Палочка выручалочка здесь одна – быстрая перемена темы разговора.

-Кстати, а где вы берёте учебники?

-Чего? – опять вытянулся до невозможности Василий.

-Ну, я спрашиваю, где вы берёте книги, по которым изучаете разные науки?

-А... да в библиотеке, а то в очереди стоим...

-Что это значит?

-Книг на всех не хватает, вот и читаем по очереди, - совсем просто объяснил Павел.

-Учитесь как? – продолжал Вовка час вопросов и ответов.

-До обеда с семи до одиннадцати, и после обеда с двух пополудни до шести часов.

-Ого, целых восемь часов!..

Но и Вовка, и Сашка сразу вспомнили, что у них тоже с утра было две пары академических часов, и после обеда две, а то и все три пары занятий. Да ещё три часа самостоятельной подготовки после ужина до отбоя.

-И нам в том корпусе продыху от учёбы не давали, а вам здесь и того не легче, - сочувственно вздохнули ростовчане.

Но реалии жизни давали о себе знать тягучими позывами давно пустого желудка.

-А столуетесь где и как?..

-О! да у нас тут такая изрядная столовая, какую вы и видеть не видели. Только в этом году построили... да и мы там много пота пролили - камни да песок таскали с утра до вечера...

-А учёба как же?

-И о науках не забывали...

Вовка словно забыл, что и в их мореходке на последнем курсе курсанты его роты раз в неделю добросовестно (правда, кто как) участвовали в строительстве нового спортивного зала. И никакого ущерба учебной программе.

-Ага, вот и сигнал к вечерне! – подхватился Павел. – Пошли с нами...

Но в церковь далеко идти не пришлось. Она находилась в здании Корпуса на одном из верхних этажей. Вот и увидели Вовка с Сашкой множество кадетов и гардемарин, которые сноровисто поднимались на этаж с церковью со всех сторон громадного здания. Вовка обратил внимание, что поч-

ти все гардемарины придерживают левой руки свои шпаги. Он немедленно последовал хорошему примеру.

В церковь Вовка попал в первый раз. Не считая того случая, когда его крестили в Старососненской церкви. Да и Сашка, наверное, тоже....

Великолепие иконостаса поразила его наповал. Ему, конечно, приходилось видеть в кино, иногда в цветных журналах нечто подобное, но одно дело экран и бумажная страница, другое наяву!.. От иконостаса исходило необъяснимое свечение, пересыпанное мириадами искр от золочёных рам множественных икон, от золотой резьбы на стенах и дверях (потом Вовка узнал, что эти двери называют Царскими Вратами). Висевшая над иконостасом огромная люстра с сотнями свечей, казалось, притягивала не только взор, но и все тело...

Вовкино состояние вряд ли поддаётся описанию обычными словами. Тут годится только одно слово – восторг!.. Восторг всеобъемлющий!..

Когда Вовка очухался и смог перевести взгляд чуть в сторону, то его глаза встретились с Сашкой. Похоже, он тоже был на грани той эйфории, когда человек начинать воспарять над землёй...

Зато, рядом стоящие Павел и Василий обыденно слушали отца-настоятеля, в нужное время крестились. Чуть пришедшие в себя ростовские мореходы старались не пропустить ни одного движения своих новых знакомых, в точности копируя их жесты и даже мимику лица.

Но вот заключительные, правда, не совсем понятные слова вечерней молитвы, и ребята спускаются со своими провожатыми на этаж ниже.

Столовая в Ростовской мореходке тоже не абы чего. В ней одновременно обедают свыше 200 курсантов, офицеров и преподавателей. Но то, что увидели ребята, поразило их едва ли не больше, чем только что оставленная ими церковь.

Вот как описал бы современным языком столовую гардемарин Морского кадетского корпуса петербуржцев из конца 18-века:

«...Столовый зал. Он располагается на втором этаже и поддерживается кирпичными опорными колоннами. Одно из помещений первого этажа занимает кухня, откуда специальным подъемником приготовленная пища поднимается на второй этаж в боковую от Столового зала комнату.

Зал освещается свечами восьми больших люстр. Над тремя парадными входами в Столовый зал располагаются хоры, поддерживаемые изящными металлическими колоннами. Созданный зодчим Л. Руска в классическом стиле, зал украшают лепные эмблемы элементов герба Морского корпуса (шпага, корабельный руль, градусник) и барельефы с изображением военных трофеев, выполненные по рисункам скульптора Солдати.

Пятнадцать огромных окон четырехметровой высоты и блестящий паркетный пол дополняют убранство Столового зала. Имея длину 70 м, ширину 21 м и высоту более 7 м, он поражает своими размерами и является самым большим бесколонным залом в столице. На хорах во время воскресных и праздничных обедов играет корпусной оркестр.

В зале ежедневно проводятся смотры караула, в который назначается целая рота. Здесь кадеты тренируются в управлении парусами на модели брига «Наварин», и занимаются отработкой практических навыков в артиллерии на двух орудиях. Столовый зал - гордость Морского корпуса. Сооружение этого зала с двусторонним освещением и подвесным потолком стало одним из крупных достижений российской отечественной строительной техники...»

...Столько впечатлений в течение всего-то нескольких часов, прямо скажем, не способствовали аппетиту. Мозговые клетки настолько были перегружены наплывом эмоций, что сигналы его разделов, отвечающих за восполнение желудка, не могли пробиться до сознания.

Павлу и Василию стоило даже некоторых трудов отвлечь их от бездумного созерцания великолепия столового убранства. Чуть ли не насильно они усадили ростовских рядом с собой за длинный стол на стулья с высоченными спинками.

Ребята отвлеклись от стен и потолка, только почуввав запах крепкого борща. Это Василий подсунул сбоку тарелку под Вовкин нос. За борщом последовали ещё блюда, похожие на мясные каши, пироги с непонятной начинкой. На столе стояли высокие кувшины со сладковатым напитком.

-Сбитень, - пояснил Василий. – Медовое питьё... а у вас такого не делают?

-Мы всё больше квас...

-Да ведь квас для холопов да мужиков, а вы из каких тогда?

Вовка, в который уже раз, напряг соображение.

-Мы из княжких родов дальней стороны... но говорить о себе нам не велено...

-Тайного приказа служивые что ли? – округлил глаза Василий.

-Говорю - не велено... и не спрашивай больше... Христом Богом прошу....

Похоже, Василий проникся важной тайной, и больше весь вечер (да и потом) вопросов об их происхождении не задавал.

У директора корпуса

На выходе из столовой Вовку с Сашкой перехватил воспитанник, похоже, из кадетов.

-Господа гардемарины, вас просит к себе их высокоблагородие инспектор классов.

Кабинет главного инспектора располагался в том же коридоре, что и столовая. Кадет робко царапнулся в дверь и тихо вошёл, но сразу же высунул голову.

-Заходите...

За массивным столом зелёного сукна сидел главный инспектор. При виде ребят он несколько откинулся в кресле и цепко оглядел гардемарин. Молчал он достаточно долго.

-Итак, вижу, вы приобрели подобающий нашим воспитанникам обличье. Это отрадно...

Ребята почтительно склонили головы.

-А теперь вас хочет видеть директор корпуса их высокопревосходительство граф Иван Логинович Голенищев-Кутузов.

Ребята переглянулись:

«Эк, занесло!..» – синхронно подумали они

-Прошу вести себя сообразно высокому положению нашего директора. Лишнего не говорить, вопросы не задавать. Отвечать толково и кратко, если господин директор сам соизволит что-либо вас спросить...

В большой приёмной директора Корпуса их встретили два офицера, почтительно открывшие двойные высокие двери в кабинет.

За столом типичный высокопоставленный вельможа екатерининских времён. Хотя на престоле уже Павел Первый. Расшитый золотом камзол, густые генеральские эполеты, голубая орденская лента через левое плечо. Убранство кабинета вполне соответствует тому, что новые гардемарины уже успели увидеть в Корпусе.

-Прошу подойти ближе...

Платон Яковлевич прошёл вперёд вместе с ребятами и остановился чуть поодаль.

-Полагаю, вы знаете, что вас рекомендовали к изучению морских и прочих наук в нашем Корпусе очень влиятельная особа, приближённая ко двору Его Величества, - медленно отчеканил хозяин кабинета. – Но...

Вовка внимательно слушал довольно пространную речь директора. Генерал говорил об истории Морского корпуса, о том, что у истоков его создания стоял сам Пётр Великий, о том, что в Корпусе учились такие выдающиеся флотоводцы и мореплаватели, как Григорий Спиридов, Фёдор Ушаков, Дмитрий Сенявин...

Вовку так и подмывало в уме продолжить:

«Иван Крузенштерн и Юрий Лисянский, Фёдор Беллинсгаузен и Михаил Лазарев, Геннадий Невельской и Василий Головин, Павел Нахимов и Владимир Истомин...»

Но эти выпускники прославились уже задолго после того, как в нём стали учиться Владимир Панин и Александр Назыров...

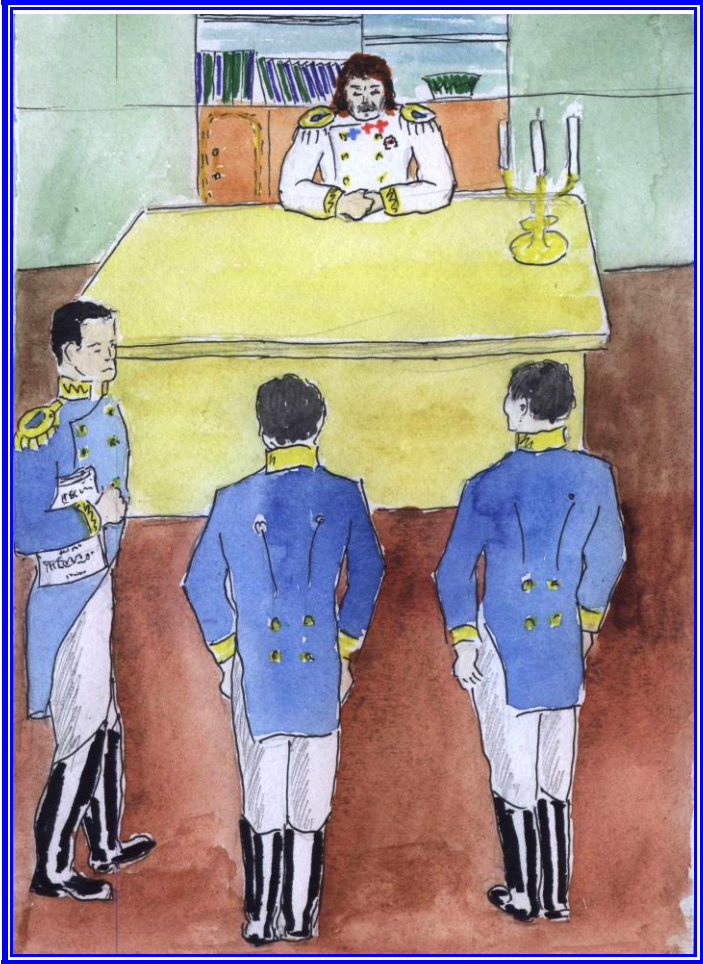
-В заключение обязан сказать следующее: тот факт, что вас рекомендовал человек, в высшей степени известный в самых высоких кругах, только повышает вашу ответственность в стенах нашего Корпуса. Вы должны стать примером для всех прочих гардемарин во всех теоретических и практических науках, соблюдать внутренний устав и прочие артикулы, предписывающие жизненный уклад гардемарин, как будущих офицеров флота Его Императорского Величества...

При последних словах директор Корпуса встал, подчёркивая их особую важность.

-А теперь прошу вас быть свободными...

Помня наставления инспектора Гамалея, Вовка терялся – «что делать, как выйти из кабинета, какой на этот случай предусмотрен артикул?..»

На свой страх и риск он склонил голову едва ли не на грудь, потом резко её поднял:

-Разрешите выразить великое почтение вашему высокопревосходительству и заверить, что ваши слова мы воспринимаем как напутствие в нашу будущую учёбу в Морском корпусе. Мы ни словом, ни делом не посрадим священные стены Морского Корпуса и флот Его Императорского Величества...

Оба морехода снова склонили головы, круто повернулись на каблуках и вышли вон...

...Когда прикрылись двери, Иван Логинович и вовсе вышел из-за стола.

-Платон Яковлевич, вас, как главного классного инспектора, прошу на первых порах взять оных отроков под особое попечительство, однако без лишней назойливости.... Надеюсь, вы успели заметить, что это необычные воспитанники?..

-Точно так, ваше высокопревосходительство. Ещё при первом взгляде заметил...

-Кроме того, прошу жёстко пресекать всякие поползновения со стороны наших кадетов и гардемарин в отношении оных. Более того, офицеров и преподавателей...

-Будет исполнено, Иван Логинович...

Похоже, длинный день, наконец, подходил к концу. Это было действительно так, если учесть, что в этот день длина суток составила не 24 часа, а все 32. Ведь они переместились с Дальнего Востока, разница во времени с которым как раз и составляет 8 полновесных часов.

На сон грядущий Вовка с Сашкой ещё раз заглянули к поджидавшим их Павлу и Василию Они видели, как главный инспектор сопровождал новичков к самому директору Корпуса. Не каждому из кадетов и даже гардемарин выпадала честь лично бывать на приёме у его высокопревосходительства директора Корпуса.

-Каков вам наш директор?..

-Да наш-то был статью покрупнее, но в чинах пониже вашего... А говорил нам слова напутственные и добрые про учёбу да службу...

-Ну, да пора почивать, - явно заметил Павел Сашкины позывы к сильной зевоте.

Вот и вожделенные койки. Ребята с трудом разоблачились и...

-Крестик! – вскрикнул Сашка. – У меня на груди крест.

Вовка нашёл у себя точно такой же. Вот тут и вовсе загадка. Каким образом живому (не спящему!) человеку надеть крестик на шею, чтобы это осталось незамеченным?..

-Скорее всего, крест нам надели у портного Афанасия. А, может, даже мы сами надели их, но не заметили... - задумался Сашка.

-Или кто-то надел нам в состоянии короткого гипноза, сделал вывод и Вовка. – Так что подобных чудес впереди будет много...

Вовка ещё после церкви хотел задать Сашке сложный вопрос, но так и не решился. А теперь:

-Сашка, а ведь ты вроде как мусульманин... как же тогда церковь, а сейчас вот и крест?..

-Да какой я мусульманин. У меня и отец-то никогда не заговаривал о вере... вот дед с бабкой иногда что-то толковали об Аллахе. А мать у меня, сам знаешь, и вовсе белоруска из Витебска...

Вовке показалось странным совпадением, что отец его друга детства Альки Арсланова – тоже татарин из Карабаша, а его мать – белоруска именно из Витебска. Но он не стал затевать длинного и непростого разговора. Пора было и в самом деле спать.

Что же до никому ненужного белья, то решили аккуратно сложить всё в долгие ящики.

Из истории Морского кадетского корпуса

В 1749 году князь Михаил Белосельский подал императрице Елизавете Петровне прошение, в котором, между прочим, писал: *«Гардемарины... надлежит быть и по регламенту выучить все науки, как в 6 или 7 лет, а потом иметь вступить только в унтер-офицеры, почему и паче ... охота к службе простыть и охладеть может... А понеже служба морская есть многотрудная, охотников же к ней весьма малое число, а ежели, смею донести, никого; (Морской кадетский корпус. Краткий исторический очерк.)*

Далее князь пишет, что сухопутного офицера можно получить всего за три года, а морского не менее, как в двенадцать...

Это и многие другие обращения всё же привели к тому, что 15 декабря 1752 года был создан Морской кадетский корпус.

В него вошли воспитанники морской академии, дворяне, обучавшиеся в московской Навигацкой школе на Сухаревой башне, в Морской артиллерийской школе и в гардемаринской роте. Здание Морской академии на Васильевском острове и все ее имущество было передано новому военно-учебному заведению. Штат корпуса был определен в 360 воспитанников, которые в строевом отношении делились на три роты, а в учебном на три класса (соответственно в каждой роте и классе было по 120 человек). Воспитанники первого, или выпускного, класса назывались гардемаринами, а второго и третьего кадетами. Из второго класса планировалось выбрать около 30 человек в артиллерийские кадеты. Что касается практического обучения, то предписывалось всех гардемарин и артиллерийских кадет второго класса ежегодно направлять на боевые корабли различных эскадр.

По штатам постоянного состава Морского кадетского корпуса преподавание *математических и навигационных* наук вели профессор, два преподавателя и при них шесть подмастерьев, а также шесть так называемых «учеников большой астрономии» (из них впоследствии назначались подмастерья). *Артиллерии и фортификации* обучали два преподавателя и при них два подмастерья. Также предусматривались два преподавателя по *«географии, генеалогии и для учения в штиле и в риторике, истории, политике, в морали, геральдике и прочих шляхетских науках»*. Трудно сказать, как два преподавателя могли справляться с таким количеством учебных курсов, да и неясно, что такое «прочие шляхетские науки».

Кадеты и гардемарины обучались *трем иностранным языкам* — французскому, английскому и немецкому, а также рисованию, танцам, фехтованию. В штате кадетского корпуса был предусмотрен и переводчик с латинского языка - для перевода научной технической литературы, которая потом издавалась в корпусной типографии. Типография досталась «по наследству» от Морской академии. В ней издавались материалы не только для нужд корпуса, но и различные книги, пособия, карты по заказам Адмиралтейства (кстати, средства, полученные типографией за выполненные заказы, шли в казну корпуса).

Первым директором Морского кадетского корпуса стал крупный ученый, географ и гидрограф, капитан 1 ранга **А.И.Нагаев**.

Алексей Иванович был родом из небогатой семьи, унаследовав от своих родителей десять крестьянских дворов. Одиннадцати лет от роду поступил в Морскую академию, выпустился из нее гардемаринном и спустя три года стал мичманом. Он быстро рос в званиях и к 1757 году был уже капитан-командором. Плавал на Белом, Балтийском и Каспийском морях, командовал фрегатами «Кавалер» и «Меркурий», серьезно занимался гидрографией Каспийского моря и Финского залива, по служебным журналам экспедиции Беринга составил подробные карты Камчатского моря и американского побережья, в течение шести лет разработал и издал «Атлас Балтийского моря», занимался составлением «Свода морских сигналов».

Приняв кадетский корпус и лично подбирая преподавателей и офицеров, сам реферировал учебники, проводил занятия с воспитанниками, занимался реконструкцией корпусных зданий и даже тем, что заготавливал впрок для кадет обмундирование и продукты питания. В 1760 году Алексей Иванович Нагаев сдал свою должность капитану 1 ранга А.М.Давыдову.

Результаты выпускных экзаменов, которые скрупулезно отмечались в особых экзаменационных тетрадах на каждого выпускника, свидетельствуют о том, что в Морском кадетском корпусе того времени будущие морские офицеры получали основательные теоретические знания и практические навыки.

Крупные изменения произошли в Морском кадетском корпусе в 1761 году, когда туда был назначен капитан-лейтенант **Иван Логинович Голенищев - Кутузов**, так как *«он в здоровье еще слаб и в кампании быть не может, а при корпусе быть ему можно, и Коллегия усматривает его к тому за способного»*. В скором времени он получил звание капитана 2 ранга. На представлении Адмиралтейств - коллегий по назначению нового директора Морского кадетского корпуса Екатерина II написала: *«Капитану 2 ранга Голенищеву - Кутузову быть в оном корпусе впредь до указа вместо положенного по штату капитана 1 ранга... и помянутому Кутузову от интенданта Давыдова Морской шляхетский кадетский корпус принять»*.

Голенищев - Кутузов родился в семье лейтенанта флота и в тринадцать лет был определен в Сухопутный шляхетский корпус, откуда, как уже говорилось, его перевели в Морскую академию.

В 1743 году он произведен в гардемарины, а в 1746 году - в мичманы. Два года служил под командованием Нагаева, занимался вместе с ним гидрографией Финского залива, в качестве командира судна совершал переходы из Кронштадта в Архангельск и обратно, потом по болезни был направлен в годичный отпуск, после которого и получил назначение в Морской кадетский корпус; в 1763 году он получил звание капитана 1 ранга, а на следующий год - генерал-майора и был официально утвержден в должностях директора Морского шляхетского кадетского корпуса, генерал - интенданта флота и члена Адмиралтейств - коллегий.

Голенищев - Кутузов, как и Нагаев, прекрасный моряк, в отличие от своего бывшего командира не был кабинетным ученым. Иван Логинович был превосходно воспитан, в совершенстве владел французским и немецким языком, страстно любил русскую литературу - в его доме собирались известные ученые, художники, писатели и поэты. Словом, это был светский человек, использовавший свои знания, дипломатические способности, родственные связи, благоволение императрицы Екатерины II для повышения престижа морской службы и улучшения подготовки флотских офицеров. Если Нагаев когда-то тратил много времени и здоровья на бесконечные тяжбы с Адмиралтейств - коллегией, то Иван Логинович стал членом этого всемогущего флотского управленческого органа и, заняв там подобающее место, уже спокойно мог решать многие проблемы, которые раньше казались просто неразрешимыми.

По предложению директора корпуса в каждый класс назначался инспектор, который должен был контролировать и оказывать помощь преподавателям; увеличивалось качество преподавателей корабельной архитектуры, механики, артиллерии и фортификации, философии, географии, генеалогии и риторики.

Своеобразной была забота директора корпуса о гардемаринах, которые плавали на боевых кораблях во время летней практики. Он выступал против введенной еще при Петре I двойной матросской порции для гардемарин на борту боевого корабля, *«ибо для молодого человека совершенно не*

нужно большее количество пищи, чем для матроса, а употребление полторы порции вина и сбитня прямо вредно, ибо приучает к крепким напиткам». Но главное — Голенищев - Кутузов хотел, чтобы будущие флотские командиры приучались на корабле во всем вести себя по-офицерски. Для этого он предлагал в море увеличить гардемаринам «столовые деньги» на 1 рубль 50 копеек в месяц, предоставив им возможность питаться за командирским столом. В этих же целях - для улучшения нравственного воспитания кадет и гардемарин - кадетский капельмейстер обучал будущих офицеров игре на различных музыкальных инструментах; был организован кадетский хор.

И все было бы хорошо, если бы возникший в **1771** году на Васильевском Острове сильный пожар не уничтожил до основания здание Морского кадетского корпуса...

Погорельцев решили разместить в одном из зданий в Кронштадте. Однако преподаватели отказывались ездить ежедневно из Петербурга в Кронштадт, да и сам директор руководил корпусом из столицы. Процесс разрушения того, что когда-то было создано в Морском кадетском корпусе, шел довольно быстро. Должности преподавателей и командиров стали занимать офицеры Кронштадтского гарнизона, по тем или иным причинам списанные с кораблей на берег, положение усугублялось еще и плохими материально - бытовыми условиями. Если в Петербурге быт кадет был налажен, то в новом, не приспособленном для проживания и обучения здании не было даже нормального отопления, поэтому кадеты вынуждены были воровать дрова на соседнем складе Адмиралтейства, а свой небогатый рацион пополняли за счет ночных набегов на торговые лавки.

Директор корпуса И.Л.Голенищев-Кутузов к тому времени был уже вице-президентом Адмиралтейств - коллегий, ему фактически подчинялись все морские силы, поэтому он не имел возможности вникать во все детали быта и учебы кадет, да и желания, наверное, особого не было удаляться от императорского двора.

Положение мог исправить только скорейший перевод Морского кадетского корпуса обратно в Петербург, что и было сделано по распоряжению императора **Павла I**, чтобы *«колыбель флота - Морской кадетский корпус - был близко к генерал-адмиралу, и поэтому перевести оный из Кронштадта в Петербург».*

Павел I имел звание генерал-адмирала, то есть, еще будучи наследником престола, официально командовал флотом. Поэтому, став императором, он постоянно и даже несколько назойливо демонстрировал свою отеческую любовь к Морскому кадетскому корпусу, присутствовал на занятиях, бывал в спальнях кадет и в столовой (уникальном огромном зале, построенном Волковым без колонн, как тогда говорили, с «висячим потолком»), что, бесспорно, стало достопримечательностью корпуса), раздавал направо и налево воинские звания и классные чины.

В корпусе служил полковник **Логин Иванович Голенищев-Кутузов** - сын директора. Ему было досрочно присвоено звание генерал-майора, и, как заместитель директора, он фактически возглавлял военно-учебное заведение в Петербурге до самой смерти своего отца, до 1802 года, когда корпус принял контр-адмирал П.К.Карцев. Инспектором классов при нем официально был утвержден **Платон Яковлевич Гамалея**, который числился в этой должности с 1795 года.

Первым делом Платон Яковлевич взялся за подготовку молодых преподавателей, отправив старых на пенсию. Инспектор классов составил программу, если так можно назвать, курса повышения их квалификации, сам читал лекции, проводил практические занятия, приглашал для выступления лучших профессоров и преподавателей других столичных кадетских корпусов и Академии наук.

Гамалея стремился возбудить в воспитанниках чувство лидерства, желание заниматься как можно лучше, добиваться высших результатов в учебе и дисциплине. Отличники в классах пользовались авторитетом, а главное - уважением товарищей, которые величали их по имени - отчеству и по существовавшей тогда традиции называли «зейманами» (от английского "sea-man" - моряк). Юноши гордились этим своим неофициальным званием. «Зейманы» были первыми помощниками преподавателей, занимались с товарищами, объясняли трудные темы, примеры и задачи.

Платон Яковлевич Гамалея приложил немало сил, чтобы вернуть Морскому кадетскому корпусу былую славу...

(Морской кадетский корпус. Краткий исторический курс. Санкт-Петербург)

На занятиях

Понедельник – началась первая учебная неделя для новых гардемарин. И в первый же день Вовка на столе, за которым сидели Павел и Василий, увидел условие задачи. Он с трудом сообразил, что это из астрономии:

«1720 года мая 1-го дня ниже объявленные плаватели, будучи в разных местах, усмотрели высоту Солнца: первый — северный край Солнца, второй — южный край Солнца в своих зенитах, третий — нижний край Солнца в полночь, четвертый — верхний край Солнца в полдень, на своих меридианах в горизонтах. Желая знать, в каких широтах (широтах) плаватели находились?».

Дальше, больше. Вовке и Сашке всучили перечень вопросов, по которым они очень скоро должны держать экзамены перед строгой комиссией:

- 1) *О приливах и отливах.*
- 2) *Об исправлении румбов.*
- 3) *О дрейфе корабля при данной парусности.*
- 4) *Об определении течения моря на якоре и со шмонки.*
- 5) *Об определении скорости корабля.*
- 6) *О поверении склянок.*
- 7) *Об определении склонения компаса на берегу и на море.*
- 8) *Об определении широты места (находил ее по меридиональной высоте Солнца, которую измерил квадрантом).*
- 9) *Пример определения широты места по меридиональной высоте Солнца.*
- 10) *По разности долготы, сделанной по параллели в известной широте, сыскать место плавания.*
- 11) *Пример счисления и плавания по дуге великого круга, для которого вычислено 18 курсов.*
- 12) *Задача: «Когда звезда Сириус восходит и заходит в одно время с Солнцем на московском горизонте и в какой широте восходит вместе с звездой Капелло?».*

Мало того, что вопросы были из географии и астрономию, которые в мореходке судомеханикам практически не дают. Они не понимали даже половины терминов из этого списка!..

Нужна срочная помощь Эльтины!.. Вовка ждал, что Кольцо его вот-вот побеспокоит. Как ни говори, а выходит полный цейтнот. Одно дело, что вопросы архисложные, по крайней мере, для выпускника мореходки из конца двадцатого века, другое то, что науки эти уж никак не пригодятся будущим судовым механикам Панину и Назырову. Он вспомнил фильм про Старика Хоттабыча, в котором как раз был

такой сюжет, где волшебник внушал ученику Вольке, на его взгляд правильные ответы.

«Вот и нам бы так надо...»

Вовка против воли то и дело пялился на Кольцо, но оно молчало, и только изредка выдавало слабое свечение, словно подтверждая, что оно в рабочем состоянии.

«Надо будет сказать Эльтине, чтобы каким-то образом отладить двухстороннюю связь, а то ведь крупно влететь можно...»

Появилась ещё одна проблема – гусиные перья. Их можно было купить десяток за полушку* в лавке при Корпусе, но у новых гардемаринов никак не получалось не только писать ими, но их надо ещё особым образом очинять!.. А для этого опять специальный перочинный ножичек.

Сначала ребятам помогали их новые друзья. Они долго и искренне удивлялись: как это, великовозрастные отроки не могут очинять перья, да и писать ими толком?!..

Ведь они сами с раннего детства приучены к этому...

Но не боги горшки... правда, у Вовки в бушлате нашлась шариковая ручка и он, было, хотел схитрить. Стержень вполне нормально вошёл внутрь гусиного пера. Но на первом же занятии по словесности его разоблачили.

– Господин гардемарин, что это у вас за манера письма – без правил каллиграфии?..

Пришлось стержень извлечь и заточить перо.

День за днём. Новые гардемаринки уже привычно занимали свои места за одним столом со своими соседями. В первом же перерыве инспектор классов Платон Яковлевич, он же преподаватель по мореплаванию, подошёл к ним

– Господа гардемаринки, позвольте поинтересоваться ходом вашей подготовки на выданные вам вопросы. Ведь через три дня вам держать ответ передо мной и другими преподавателями...

– Не извольте беспокоиться, к назначенному дню мы непременно будем готовы! – отрапортовал Вовка и опять за двоих.

«А что, если Эльтина занята чем-то другим и ей сейчас не до нас... надо всё же хоть что-то посмотреть в учебниках, да и Павла с Василием поспросить – они ведь одни из первых в учёбе – не откажут»

* Полушка – четверть копейки

-Сашка, я не хочу опозориться среди остальных гарде-
маринов, давай у ребят попросим книги, да хоть чуть позани-
маемся...

И началась настоящая учёба. И днём на занятиях, и ве-
черами в дортуарах ребята поглощали раздел за разделом.
Павел с Василием всегда были под рукой. Вовка опять думал:

«А если задвинуть про обратную сторону луны? Или
про Венеру с её облаками и про умершую планету Марс. Нет,
это как раз и будет выглядеть так, будто я говорю о трёх ки-
тах, на которых держится Земля...»

Нет, про астрономию не годилось, да и не очень уж
сильны в ней ростовчане.

«Тогда про географию. Скажем, что существует Ан-
тарктида – ведь её пока не открыли. Что кроме неё есть ещё
Австралия...»

Но Вовка не мог вспомнить, была ли в конце 18 века
открыта Австралия?.. Потом он и вовсе опомнился, ведь го-
ворить об Антарктиде, до открытия которой ещё больше 20
лет - явно вмешиваться в ход истории.

На уроках мореплавания Вовка и Сашка поперебой
задавали вопросы из тех, на которые им предстояло ответить.
Из ростовского опыта они знали, что это нравится любому
преподавателю и вполне вероятно, что это станет положи-
тельным фактором во время ответа.

Три отпущенных на подготовку дня пролетели. Эльти-
на так и не дала о себе знать. Кольцо, казалось, ухмылялось,
продолжая изредка попыхивать синим пламенем. Но три, уп-
лотнённых до предела дня, не прошли даром. В проверочных
перекрёстных вопросах, которые устроили ребята в послед-
ний вечер, и Вовка, и Сашка сделали всего по одной ошибке,
притом, ошибке незначительной...

-Да вы zelo способные к наукам, - подытожил Павел.
– Нам, чтобы постичь всё это пришлось потратить не один
месяц...

-Но вы же не учились в нашем мореходном корпусе, -
утешал друзей Вовка. – Да и загадывать раньше времени –
грех...

Наступил час «X».

Стоит ли говорить, что отвечали оба гардемарина из
ростовской мореходки блестяще. Не скроем – были и запин-
ки. Но вот секунда – другая и в голове снова и снова вы-

страивается чёткий ответ. Порой Вовка казалось, что заработало Кольцо, и за ним Эльтина – а может, так оно и было на самом деле. Но факт, что оба они не выдавали заложенную в них информацию, как бездумные роботы, а делали это осмысленно и с пониманием.

-Однако, я несколько удивлён вашими познаниями, - откровенно сознался Платон Яковлевич. – С чем и поздравляю вас, господа гардемарины. Нынче же представлю рапорт директору корпуса о ваших успехах...

Последующие два дня ребята упивались своей исключительностью. Да разве не так!.. Ну, кто ещё может похвастать тем, что он прибыл в Морской кадетский корпус из будущего времени?!.. Только хвастать об этом не могли даже они сами.

Но ведь мореплавание и астрономия – это не единственные предметы, принятые к изучению в Морском кадетском корпусе.

И всё же арифметику с геометрией, историю и словесность ребята переваривали с гораздо большей лёгкостью, чем предмет первый. Однако пришлось поднапрячься с иностранными языками. Их было целых три - английский, французский и немецкий.

В мореходке английский тоже был профилирующим, и Вовка почти свободно мог на нём изъясняться. Сашка тоже. Легче им давался немецкий – всё же побратим английского. Но французский...

Многие гардемарины из дворянских семей свободно говорили на французском с детства. Оттого и другие гардемарины из семей победнее имели практику в разговорном языке, чего не было у ростовчан и в помине. Но здесь опять пришли на выручку Павел с Василием. Они разводили с ними тары-бары по-французски, едва удавалась свободная для этого дела минута.

Увольнение

Последующие дни круговорот построений, учёба в гулких высоких аудиториях, трижды в день церковь, столько же раз столовая...

Но вот и выход, как сказали бы ростовские мореходы, в первое увольнение.

Конечно, Вовка и Сашка были очень благодарны своим соседям Павлу и Василию, которые взялись их сопровождать по незнакомому обоим городу Санкт-Петербургу. Правда, ростовчанам пришлось побывать в славном городе перед началом мурманской рабочей практики в Беломорской базе гослова. Только он тогда назывался Ленинградом. Да и что значит «побывали», если вся побывка ограничилась перроном, вокзалом с площадью, да и только.

Надо сказать, что Павел Веснин и Василий Шахнин добросовестно опекали новичков во время всего хода обучения и быта гардемарин. Видимо, они чётко усвоили, что тем нельзя докучать ненужными вопросами, зато советовать, показывать, поучать и рассказывать – не возбранялось.

Что самое известное и знаменитое в Петербурге во все времена? Конечно же, Невский проспект, Летний сад, да и сам Васильевский остров, на одной из набережных которого и располагался Морской корпус.

Да... посмотреть было чего. Вот и первый мост через Неву, на который ступила нога Вовки. А вот и Невский!..

Василий и Павел наперебой махали руками в сторону величественного здания Адмиралтейства, а на той стороне, чуть в дымке, чуть приземлённый силуэт давно знакомой ростовским мореходам Петропавловской крепости, правда, опять-таки по картинкам.

Недалеко оказался и Летний сад со скульптурами из античных времён, возле каждой из которых простаивали долгие минуты из драгоценного времени, отпущенного на увольнение.

Вернулись на Невский.

Конечно, и Вовка, и Сашка были бы не против вспомнить свои ростовские и мурманские похождения, многие из которых сопровождались дружескими застольями. Тем более, что в карманах звенели медные пятаки из денежного довольствия, выданного гардемаринам как раз перед увольнением. Мало того, они ещё в первые дни из разговоров новых друзей сделали вывод, что в среде гардемарин принять чарку-другую хорошего вина дурным тоном не считалось.

Но ростовчане не могли решиться с таким предложением первыми. Они ждали смелой инициативы от своих спутников.

-Да не пора ли, братцы и честь знать, - хлопнул Вовку по спине Павел. – Давно бы надо и горло промочить...

Вовка подумал, что к нему постепенно приходит дар внушения и, скорее всего, это происходит не без участия Эльтины.

-Да разве кто-то есть среди нас против такого предложения! – чуть не хором воскликнули ростовчане. – Вспомним и наши мореходские традиции.

Павел быстро вильнул в ближний полутёмный погребок. Василий пропустил Вовку и Сашку. Именно так и представлял себе Вовка простые питейные заведения того времени. Всего-то пяток столов из чуть проструганных досок, за которыми, правда, могло уместиться до десятка гостей. Вместо стульев лавки, но кое-где табуреты, не уступающие по своей массивности столам. Человек семь-восемь посетителей торчали вразброс за столами.

-Половой! – хозяйски крикнул Павел, - неси-ка нам нашего...

-Сей минут!..

Ребята заняли стол в глубине заведения.

-Отсюда хорошо видать, кто заходит, а нас не сразу увидишь, - пояснил, видно, многоопытный Павел.

-А что?..

-Не очень-то наши инспекторы и офицеры поощряют подобные дела.

-Да и у нас не жаловали, - вступил в застольный разговор Сашка. – Ничего не стоило гон* получить за разругой...

В кабаке долго не засиживались. Вовка только успел отметить, что здешняя водка, пожалуй, почище той, что приходилось пробовать в Ростове и в Мурманске.

«Не научились ещё из нефти суррогаты гнать»

Вовка и здесь хотел, было, предложить взять бутылку и выпить её символично на набережной, но тут же отказался от этой идеи.

«А вдруг у них не принято водку по улицам да проспектам лакать...»

По набережной пошли в направлении Васильевского острова – поближе к дому.

-Паша, а у тебя девушка есть? – не удержался Вовка при виде гуляющих красоток, сошедших прямо со страниц пушкинского «Евгения Онегина».

* Гон (жарг. от «выгнать») - то есть отчисление из училища

-Нет... - чуть помедлил Павел, - отец вот сказал, что поженит меня на Марии - полковничьей дочке, да наказал, чтобы я отучился изрядно, а уж потом...

-Василий, а ты как?..

-Нет у меня пока ни невесты, ни нареченной, - почему-то густо покраснел гардемарин.

-А у нас тоже набережная есть, мы из мореходских классов там часто гуляем и знакомимся с девушками, - осторожно стал делиться своим большим опытом Вовка.

-У нас на улицах к незнакомым девицам и женщинам подходить не принято, - сразу сообразил Павел. - Вот, если знакомая встретится...

-Откуда же знакомая, если говоришь, что только отец обещал?..

-Да ведь у нас по воскресеньям и в праздники через раз балы устраивают, много народу бывает, многие своих чад приводят...

Опять... Михельсон

Вовка не успел дослушать откровения Павла. Его внимание приковала показавшаяся очень знакомой личность. И чуть басовитый голос говорившего офицера, по всему видно, очень высокого ранга, тоже показался ему знакомым.

Два офицера стояли, прислонившись к чугунному парапету узорчатого литья.

-Паша, не знаешь ли ты того офицера? - осторожно кивнул Вовка.

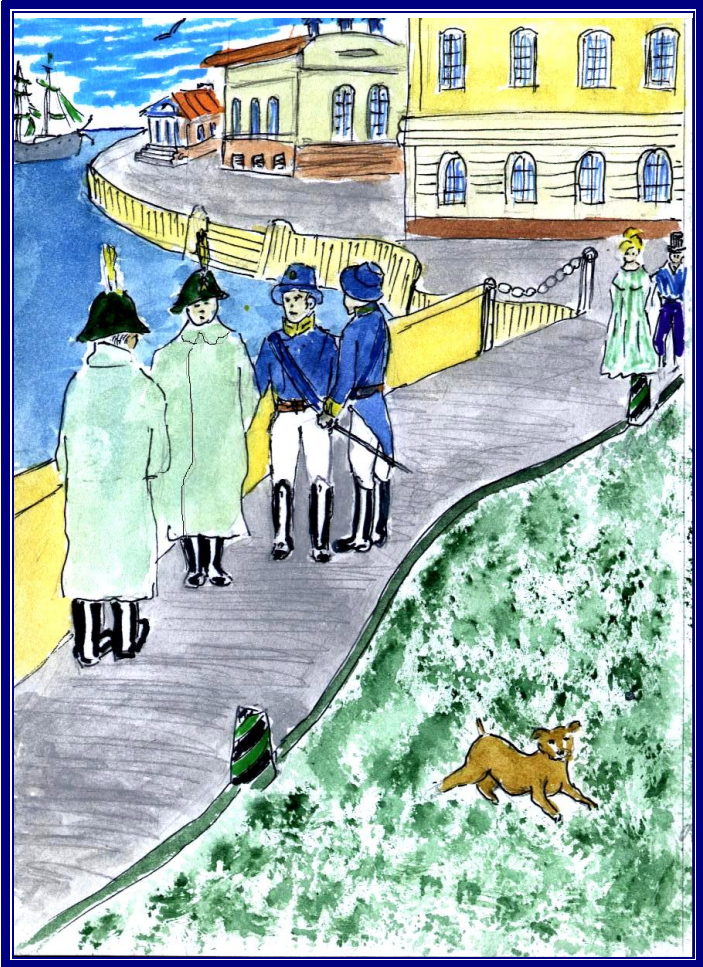
-Да кто ж его не знает?!.. Это же Иван Иванович...

-Стой! - схватил Вовка за рукав Павла. - Сам вспомнил - это Иван Иванович Михельсон... который разбил и взял в плен бунтовщика Емельяна Пугачёва...

-Так и вы слыхивали про разбойника и самозванца Пугачёва, - почему-то обрадовался Павел. - А ведь мой отец тоже с ним бился в команде самого Суворова...

Эх, знали бы они хоть сотую часть из того, что знает Вовка о Пугачёве, о народном восстании, о бунтовщиках и Михельсоне...

Да это был тот самый Михельсон!.. Вовка всматривался в лицо, которое пока было вполоборота к нему. Вот навсегда запомнившийся высокий лоб, нос с горбинкой, тонкие, крепко сжатые губы. Именно его разведчики поймали в лесу Альку Арсланова, именно сам Михельсон часами

беседовал с Алькой о никому непонятных тогда вопросах... от него так лихо сбежал Алька – сын боевого лётчика и Вовкин одноклассник.

Но потом была новая встреча Ивана Ивановича и Альки. Тогда то и Вовка познакомился с командиром отряда, в то время ещё подполковником Михельсоном.

-А в каком он сейчас звании? – прошептал Вовка, не отрывая глаз от седовласого офицера.

-Генерал... генерал от кавалерии...Видимо, до Михельсона донеслись слова о Пугачёве, и он быстро повернулся в сторону галдящих гардемарин. Глаза встретились.

Генерал что-то сказал офицеру, тот сделал несколько шагов навстречу ребятам.

-Господа гардемарины, его превосходительство генерал Иван Иванович Михельсон просит вас подойти к нему...

Вовка лихорадочно прикидывал:

«С тех пор прошло примерно двадцать пять лет. Значит, ему сейчас больше пятидесяти...» А мне ведь тоже должно быть не меньше сорока, а я то почти не изменился... как объяснить?!»

По мере приближения ребят, Иван Иванович ничем не выразил того обстоятельства, что он встречался когда-то с Вовкой. Вовка то всматривался в его лицо, то отводил взгляд от сурово пронизательных глаз...

-Прошу простить, господа гардемарины, но мне любопытно знать, отчего вы упомянули имя разбойника и бунтовщика Пугачева?..

-Да вот, ваше превосходительство, гардемарин Владимир Панин, соизволил сказать, что знает вас, как победителя Пугачёва, - не преминул почтительно доложить Василий высокому генералу.

-Да... интересно... и при каких же обстоятельствах мы с вами имели честь стать знакомцами?

Вовка снова шагнул в омут:

-Ваше превосходительство, мы с вами виделись в лагере, где ваш отряд был на бивуаке перед битвой под Казанью, в которой вы очередной раз разбили армию Пугачева...

Генерал ещё плотнее сжал губы, сощурил глаза, приглядываясь. Вовка осмелел:

-Прошу вас конфиденциально* ...

* Конфиденциально – секретно

-Что же, отойдём...

Отошли от парапета на противоположную сторону ближе к зданиям.

-Ваше превосходительство, я вижу вы удивлены... Но помните ли вы отрока Олега, с которым много беседовали во время стоянки в Чистом поле?

Генерал молча смотрел на Вовку. Вовка даже подумал, что тот так ничего и не скажет...

-А потом вы вместе с конями исчезли на ровном месте среди лужайки, - наконец изрёк генерал.

-Значит, вспомнили, - почему-то облегчённо вздохнул Вовка.

-А сейчас-то что вы здесь делаете?

-Учусь в Морском кадетском корпусе...

Со стороны генерала опять последовало затяжное молчание. Вовка не смел прервать его раздумье.

-Ну, пока хватит об этом.

И генерал с гардемаринном вернулись к остальным:

-А не соизволите ли, господа, посетить мой дом? - вдруг предложил его превосходительство. - Я живу здесь неподалёку...

Мыслимо ли отказаться от приглашения генерала.

-Спасибо, ваше превосходительство, - за всех ответил Вовка. - Мы с полным удовольствием...

-Петенька, позаботься...

-Будет исполнено, Иван Иванович!..

И офицер, то ли порученец, то ли адъютант, приподняв волочившийся до этого по мостовой палаш, чуть не рысью кинулся в известном ему направлении.

Пока несколько минут шли до высокого парадного, и генерал, и гардемаринны говорили о Суворове, о его блестящих альпийских победах над «этим выскочкой Буонапартом». Вовка с Сашкой умело поддакивали.

В большой, полутёмной прихожей их с поклоном встретил швейцар. В столовой порхают бабочками молоденькие официантки (наверное, горничные). Чем-то они напомнили Вовке ростовских Галю-Валю из их курсантской столовой. Только не платьями до пола.

Но вот всё готово, приглашение к столу.

За столом поднимали бокалы за русское воинство, за русский флот, за генералиссимуса Александра Суворова, за императора Павла Первого...

Вовка понимал, что короткий разговор на набережной будет продолжен и здесь. Так и вышло.

-Владимир, не пройти ли нам в мой кабинет и кое-что вспомнить из наших прошлых встреч, - наконец предложил Иван Иванович. – А вас я попрошу остаться... - не совсем корректно усадил он снова за стол подскочивших, было, гардемарин.

-Итак, вы учитесь в корпусе гардемаринов – это я вижу... но для чего вы снова к нам припожаловали из... будущего времени?

-Видите ли, это долго рассказывать, но, если кратко, то это будет выглядеть так. Вы, как просвещенный человек, понимаете, что во все времена существовал и существует определённый научный мир, который постоянно развивается, накапливая всё больше и больше знаний и опыта. В наше время научный прогресс достиг такой степени, что изобретены особые, условно сказать, машины, которые способны перемещаться во времени. Ну, а раз мы имеем такие машины, то как же не посетить какую-нибудь раннюю эпоху с целью более конкретного, более достоверного его изучения. Ведь нет ничего более ценного, чем опыт истории...

Похоже, для Михельсона подобная информация оказалась приемлемой для усвоения.

-Ну, а в будущее вы так же легко «летаете»?

-Увы, пока наши учёные над этим только бьются в своих академиях.

Вовка не стал отвечать утвердительно лишь потому, что опасался затягивания диспута со сложными вопросами. Ведь ясно, что будущее всегда интересует больше, чем прошлое и настоящее.

-Однако нам категорически запрещено вмешиваться в исторический процесс, а также предсказывать будущее кому бы то ни было, - решил заранее подстраховаться от вопросов Вовка.

Генерал помолчал, продолжая всё также пронизательно смотреть на Вовку.

-А что же нам говорил Олег про железных коней, железных птиц и о войне с Наполеоном?.. Похоже, дело и впрямь идёт к тому, что война действительно будет...

-За это он сурово наказан...

-Да за что же?!.. Ведь славный отрок был. Интересные штуки он тогда нам показывал...

-Почему «был»? Он и сейчас в полном здравии, но пробыл три года в остроге, и сейчас у него нет никакого хода в занятиях науками, в которых он большой дока...

-Печально...

-Ваше превосходительство, не могу не спросить - как сложилась ваша судьба после славной победы над войском Пугачёва?..

-Обычная военная служба. Был жалован полковником, в 78 году получил генерала-майора. Командовал полком, корпусом. Участвовал в войне со шведами под началом генерал-аншефа Мусина-Пушкина. Воевал и на Кавказе с турками. Недавно получил звание генерала кавалерии, являюсь шефом Глуховского кирасирского полка и командиром корпуса, что расквартирован в Подольске. В Петербурге бываю наездами, всё больше в корпусе...

Немногословный генерал умолчал о наградах, звёздами сиявшими на его груди. Вовка докучать не стал.

-Вот что я хотел бы тебя ещё спросить: а что за ружья вы в то время помогали делать бунтовщику Пугачеву?.. Докладывал мне майор Дуве...

Вот это вопрос!.. Вовку бросило сначала в жар, потом в пот. Ведь это государственное преступление, в котором он был едва ли не главным участником.

-Это оговор, ваше превосходительство!.. Да, у нас было научное задание посетить именно годы Пугачёвского бунта с целью получения каких-либо конкретных деталей, что нами и было сделано... исследование этого периода существенно дополнилось...

-А что, у вас там учёной братии более старшего возраста не нашлось?

-Да как не найтись... всякие есть... а мы выиграли приз среди молодых академиков и таким образом попали к вам...

Похоже, Вовкин ответ не очень-то убедил седого генерала. Он едва заметно усмехнулся. А Вовка со страхом ждал следующего вопроса... но Слава Богу...

-Ну, что же... дело прошлое, - привстал генерал, давая понять, что разговор окончен...

Из столовой между звоном стекла и посуды доносился шум спора.

-Что, всё спорим – армия или флот главнее? - смеётся в дверях генерал. – А ты, Владимир, что скажешь по этому вопросу.

-Главное – дружба и взаимовыручка, - кратко заявил Вовка.

Он помнил, что и в их мореходке то и дело заходил бессмысленный спор о пользе и главенстве на судне штурманов и механиков.

Похоже, и генерал и спорщики остались удовлетворены ответом Вовки. Но вот и последний бокал.

-Вряд ли нам придётся ещё раз свидеться, - провожает до швейцара генерал. – Так что вам доброго плавания в ваших морях и океанах.

-И вам новых побед на морях и океанах во славу Российского флага...

Что делать дальше?

Было ещё время и возле корпуса Вовка с Сашкой решили немного пройтись вдоль Невы.

-Интересный мужик, этот, Михельсон, - завёл Сашка разговор. – И всё же где и как ты с ним встречался?

-А ты помнишь, что я пытался тебе рассказать про это ещё на первом курсе? – скривился Вовка. – Да и не только тебе, а вы...

-Опять ты об этом... надо же совсем с резьбы сорваться, чтобы поверить в то, что ты тогда говорил.

Вовка долго живописал Сашке о приключениях со своими друзьями, которые и впрямь были на стороне Пугачёва и при этом оказали очень существенную помощь. Сам крестьянский вождь тогда сказал, что если бы Вовка Панин с друзьями помогли ему с такими ружьями чуть раньше, то неизвестно, как повернулось бы дело.

-А говоришь, что мы не имеем никакого права оказывать хоть какое-то влияние на действительный ход истории...

-Ну, вот мы и не повлияли...

Вечером, уже у себя в дортуаре, Сашка немного скис.

-Ты извини, но, по правде говоря, меня не очень-то радует трёхлетняя перспектива учёбы даже в таком знаменитом Морском корпусе.

Вовка ответил не сразу.

-А как же мы придём на судно, не зная парусного вооружения.

-Нам всё равно придётся первое время ходить матросами, а это значит лазить по реям, ставить и убирать. Наше ведь дело маленькое: дали команду – исполни.

-Сашка, трёхмачтовый парусник – это не знакомый нам до последней рейки парусный шестивесельный ял...

-А повороты оверштаг, бейдевинд, фордевинд - все те же самые

-Мы учимся хотя бы для того, чтобы на судне могли ответить где учились, с кем учились, каких знаем преподавателей и офицеров в Корпусе... На судне вряд ли получится заявиться неизвестно откуда, да ещё ни опыта, ни знаний...

-И всё же думаю, что надо выйти на Эльтину и посоветоваться с ней...

Вовка и в самом деле чуть не забыл, что он не просто гардемарин из дворянской семьи восемнадцатого века, а выпускник Ростовской мореходки, бывший курсант, будущий моряк и специалист Камчатского Океанрыбфлота. И, самое главное, у него на пальце такое Кольцо, равного которому нет ни у кого в «подлунном мире». Разве что у такого же, как он агента могущественной Эльтигены.

Вовка посмотрел на Кольцо, но на сей раз оно мудро молчало.

-Ты думаешь, так просто выйти на связь с Эльтиной – это не по телефону позвонить.

Сашка продолжал выдавать идеи:

-Павел сказал, что летом гардемаринины для усвоения практики ходят в морях. Давай перенесёмся хотя бы в лето...

-Ты хочешь сказать, что мы почти весь учебный год не будем ходить на занятия?

-А нельзя просто сжать время? Если можно скакать из столетия в столетие, то почему нельзя просто ускорить ход времени.

Похоже, Сашка нащупал что-то дельное. Ведь Вовка читал у фантастов, что в будущих космических полётах, возможно, придётся прессовать время, чтобы люди успевали долетать до самых далёких миров. Но у него вырвалось:

-Начитался фантазий...

-Ничего я не начитался, а видел в каком-то научном журнале...

-А вообще-то ты прав - настоящая фантазия рано или поздно становится явью...

Сашка посмотрел на него отчего-то пустыми стеклянными глазами...

-Считаешь, я не прав?.. А вспомни «Наутилус» Жюль Верна, гиперболоид Толстого, да мало ли примеров, когда фантасты за десятки и даже за сотни лет предсказывали, то, что потом изобретали люди....

-Интересно, что будет делать Эльтигена, когда люди научатся путешествовать во времени? – продолжал Сашка зуд любопытства. – Конкуренция возникнет...

-Эльтигене всегда будет, чем заниматься.

Теория без практики мертва

Конечно, Сашка, затеяв разговор об учёбе, был, по своему, прав. Ну, надо ли грызть эту твердь бывалым мореходам, прошедшим почти все черноморские порты Крыма и Кавказа?.. Да ещё отпахавшим в северных широтах Атлантического и Ледовитого океанов по целому полугодовому рейсу. И это не на пассажире или «грузовике», а на рыбацком траулере, где сполна познаётся труд в море.

Недаром писатель Виллис Лацис, которого очень уважал Вовка, прямо сказал:

-Моряк - это моряк, а рыбак – дважды моряк...

-Нам бы только парусной практики чуть набратся, - мечтали ростовчане. - Тогда нам сам чёрт не брат. Вот тогда и можно будет заняться проблемой сжатия времени...

Мечтать не вредно. Но в морском кадетском корпусе практики хватало и без мечтаний. Уже было сказано, что в столовой корпуса находился подробнейший макет парусника «Наварин», который был меньше оригинала всего в два раза. На нём было самое настоящее парусное вооружение.

Кадеты и гардемарины бегали по палубам, по вантам и реям, заводили кливер-шкоты, фок-шкоты, поднимая и спуская то бом-кливер, то фор-брамсель, а то и вовсе грот-бом-брам-стаксель...*

А всего совокупность парусов и такелажа включала в себя едва ли не сотни наименований – и всё это надо было изучить и запомнить.

* Части парусного такелажа

Пушки двойника брига «Наварин» тоже были способны к стрельбе. Так что на бриге занимались не только парусной практикой, но и артиллерийскими «стрельбами».

Здесь тоже главенствовал инспектор Платон Яковлевич Гамалея. Он без усталости гонял кадетов и гардемарин по вантам, отбивал одну за другой команды к поднятию и спуску парусов. Потом ставил вместо себя гардемарина, и уже тот отдавал нужные команды и следил за ходом их исполнения. И так все гардемарины успевали побывать и в роли матроса на вантах, и в роли штурмана, и даже капитана на мостике.

Вот опять перечень вопросов и практических действий, которые должны быть доведены до абсолютного автоматизма у гардемарина:

1) Нагрузка, определение длины и толщины главных частей рангоута и такелажа; вес канатов и якорей.

2) С якоря сниматься.

3) С фордевинда привести в бейдевинд.

4) Поворотить оверштаг.

5) Поворотить через фордевинд.

6) В бейдевинд под всеми парусами принять шквал.

7) Что делать, идя в бейдевинд под всеми парусами, если ветер свежееет?

8) Рыскливый корабль исправить нагрузкой.

9) Идя в фордевинд, стать на якорь.

10) Стоять на якоре в свежий ветер.

12) Что делать в случае потери мачт вдали от порта?

13) Как заменить потерянный в море руль?

14) При открывшейся сильной течи спасти корабль.

15) Приготовить военный корабль к походу.

16) В отдалении сравнить силу своего судна с неприятельским.

17) Сравнить скорость неприятельского судна со скоростью своего.

18) Узнать, свое или неприятельское судно при сближении выигрывает ветер.

19) Если неприятель побежал на фордевинд, как его лучше обогнать?

20) Где место репетичного фрегата или брандера во время ходу и сражения?

21) Построиться в линию баталии.

22) Исправить линию баталии при перемене ветра...»

И это ещё далеко не всё....

Вовка с Сашкой легки на подъём. И не только в переносном смысле. Они ещё в училищном спортзале летали по

шведской стенке и канату вместо обезьян. Так что по вантам и реям они бегали никак не хуже других, а порой и резвее. И высоты они оба не боялись, пройдя полный теоретический курс в парашютном кружке, а потом совершив несколько прыжков с... тренажёра.

Да, с самолёта им прыгнуть так и не пришлось – кружок по какой-то причине распустили и прыгнуть успели только те курсанты, у которых фамилия начиналась с буквы, не дальше «к» по алфавиту, то есть первая подгруппа.

Но пусть попробует кто-нибудь сказать, что с тренажёра прыгнуть – детская забава. Это с самолёта земли почти не видно, зато за спиной надёжный парашют. А тут – вот она земля, о которую вполне можно звездануться лбом и никакого парашюта – только тонкий линь и кольцо без тормозов...

Так что с практикой помощь Эльтины им и вовсе не понадобилась.

-Ай да Назыров, ай да Панин... Что за молодцы! – порой не сдерживался всегда невозмутимый Платон Яковлевич. – Быть вам наипервейшими мореплывателями...

Платона Гамалея, уже многие годы бывшего бессменным классным инспектором, конечно же, приводила в восторг невиданная скорость и живость, с которой новые гардемарины постигали и теорию, и практику...

Но не заслуга ли в этом и ростовских преподавателей с офицерами-наставниками?..

Вовке и Сашке не надо лишней похвалы. Они затевают сдать экзамены по теории и практике за курс и потом вплотную заняться вопросами сжатия времени.

Особая каста

И Вовка и Сашка вольно или невольно сравнивали нравы и порядки в Морском кадетском корпусе, с порядками и режимом в их Ростовской мореходке.

В новой для них альма-матер* тоже презиралось наушничество и любое доносительство. Но в Ростове за четыре года учёбы Вовка вовсе не вспомнит, что кто-либо из курсантов был в этом замечен.

Здесь как раз уместно произнести фразу «О, времена, о, нравы!..»

* Альма-матер – родное учебное заведение

Да, Вовкиным однокашникам и в голову не приходило наушничать «кому бы то ни было, о чём бы то ни было» А вот в корпусе такие случаи всё же бывали. Павел как-то сказал Вовке, что однажды в фискальстве были заподозрены сразу два сына высокопоставленных родителей. И оба они были вынуждены покинуть стены Корпуса.

Их не били, им не устраивали «тёмную», как это было ещё на первом курсе в Ростове с курсантом, уличённым в воровстве. Физическое воздействие считалось для воспитанников корпуса ниже достоинства будущего офицера. С ними просто не здоровались, им не подавали руки, не заводили с ними разговоры. Иначе говоря, просто не замечали и проходили мимо них, как мимо столба. Такой бойкот заставлял человека навсегда проститься с мечтой о морской карьере.

Кстати, в те времена про выпускников Морского корпуса говорили не просто «окончил» или «получил образование» - говорили «получил воспитание». Этим подчеркивалась особая марка закрытого учебного заведения, питомцы которого сохраняли дружеские отношения на всю жизнь... Воспитывали, а порой, как видим выше, и «отсеивали», сами корпусные традиции, которые, в сочетании с усилиями старших наставников, формировали в стенах старейшей альма-матер особую касту офицеров Императорского флота.

...К «положительному опыту» вряд ли можно отнести протесты: организованный шум (гул) или наоборот, молчание в знак протеста против неправильных (по мнению воспитанников) действий иного офицера или преподавателя.

В Ростове этого не было. Разве что один случай коллективного неподчинения во время строевой подготовки.

Старшина Величко считал таковую чуть ли не главной в ходе воспитания курсантов. Он настолько самозабвенно руководил строевым шагом, разводами и построением, что однажды довёл курсантов до точки кипения.

Надоело!

Когда закончился очередной передых между шагистикой, и Величко дал команду к построению, то все, как один, курсанты перегнулись через бетонный парапет речки Темерник и выставили зады в морских клёшах навстречу ретивому старшине роты и другим старшинам.

Были и крики, и забористые выражения, и угрозы... Но курсанты не отвернулись от речки до тех пор, пока старшина не скомандовал возвращение в экипаж.

Каких-либо последствий этот инцидент не имел. Больше того, Величко осознал и признал, что курсанты третьего курса – это не салажня зелёная, и умерил свою строевую прыть. А там и вовсе настало время отмены строевой из учебной программы для старшекурсников.

Как-то Вовка поинтересовался у соседей по коридору – какому наказанию подвергают провинившихся кадетов и гардемарин, и пришёл в ужас от услышанного.

Педагогическая заботливость воспитателей выразилась преимущественно в розгах, употреблявшихся некоторыми «любителями» по всякому поводу.

В былые времена к розгам мог прибегнуть всякий офицер. Он мог сечь любого воспитанника, по собственному усмотрению, но потом это право предоставлено было только ротным командирам. Подобные воспитательные приемы, первоначально появившиеся в грубое время основания Навигацкой школы, традиционно передавались от одного поколения воспитателей другому, и видоизменялось только в своих формах.

Дошла «эта метода» и до самого конца восемнадцатого века. В каждом классе Морского корпуса порядок обычно наблюдал «дядька», в обязанность которому было поставлено «иметь хлыст в руках; а буде кто из учеников станет бесчинствовать, оным хлыстом бить, несмотря какой бы ученик фамилии ни был, под жестоким наказанием, кто поманит», то есть, кто будет потворствовать. В числе наказаний того времени были и такие: «сечь по два дни нещадно батогами, или по молодости лет, вместо кнута, наказать кошками», а за преступления более важные гоняли шпицрутенами сквозь строй, и после этого оставляли по-прежнему в учении.

Дикая грубость нравов не щадила и учителей. Тех из них, которые были поведения не совсем одобрительного, в случае их «загула», отправляли для вытрезвления в трубную (сарай, в котором находились пожарные инструменты) и там садили «в буй». Так назывался тяжелый обрубок толстого дерева, к которому был прикован один конец цепи, а другой, оканчивающийся ошейником, запирался на шее провинившегося.

Для тогдашних воспитателей многое, ужасающее нас теперь, казалось совершенно естественным и обыкновенным. Но между ними и тогда выделялись прекрасные, достойней-

шие люди, сознающие важность своих обязанностей и употребившие все силы, чтобы принести возможную пользу порученным им воспитанникам. Таковы были преподаватели Гамалея, Гарковенко, князь С. А. Ширинский-Шихматов и немногие другие.

Юный возраст наиболее чувствителен к любой фальши или - того хуже - несправедливости со стороны старших... И случалось, что неправых по отношению к воспитанникам офицеров действительно отчисляли от корпуса.

(из истории Морского кадетского корпуса)

Вечеринка

Неделя пролетела махом. Вот и снова увольнение. И опять, ставшая уже неразлучной четвёрка друзей из корпуса гардемарин, следует по проложенному ещё в прошлый раз курсу.

В середине недели Павлу пришло письмо с нарочным, в котором было приглашение явиться к обеду в дом секунд-майора Степана Петровича Голикова.

-Да ведь дочка у них на выданье и по нраву она мне очень...

-А как же полковничья дочь? – искренне удивился Сашка. – Или за двумя зайцами успеваешь?..

-Господь с тобой!.. Как можно? - тоже не менее искренне возмутился Павел. – Уж вот отучусь да как-нибудь договорюсь с отцом...

-А дочка того полковника, небось, дожидается тебя, - опять долбит нового друга Сашка.

-Да уж с ней-то мы ещё давеча решили - есть у неё суженый...

-Послушаешь вас, так тут получают настоящие козники мадридского двора...

На этом разговор о нравах молодёжи конца 18-го века закончился. Но Вовка не мог упустить шанса.

-Говоришь, тебя с друзьями приглашают, а что мы-то будем делать – смотреть на влюблённую пару и завидовать...

-Не беспокойся, друг наш Володя, я об этом побеспокоился заранее, - хлопнул Вовку по плечу Павел. – Будут приглашены сёстры Васильевы - тоже из очень приличной семьи...

Это было что-то.

Уже по пути в гости Вовка вдруг сообразил: а как же они с Сашкой там себя покажут? Во-первых, танцевать они не умеют – тут твист, а тем более, негритянский шейк не сбациаешь. Здесь, наверное, в ходу какая-нибудь кадрили и мазурка с полонезом...

И тут Вовка опомнился:

«Какой твист?! Какой шейк?!.. Ведь нет никаких магнитофонов, радио... даже граммофонов пока не придумали!.. Но ведь танцевали на балах даже при Петре Первом... Но там было что-то типа оркестра... Вряд ли в доме Голиковых будет оркестр...»

С мешаниной в голове Вовка так и дотопал до нужного дома.

Дом, в котором жила семья секунд-майора или подполковника Голикова, почти ничем не отличался от дома, где они недавно побывали в гостях у генерала Михельсона. Большая прихожая с привратником, столовая, гостиная... ещё несколько высоченных комнат, назначение которых Вовке сразу было не понять. Да он и не особенно к этому стремился – и без этого голова кругом.

Гардемарины вошли в гостиную, гремя ботфортами. Павел, на правах давнего знакомого представил новоприбывших.

-Гардемарин Владимир Панин...

-Честь имею! – в меру гаркнул Вовка.

Тоже самое сделали Сашка и Василий. Но стало понятно, что Василий был здесь уже не впервые. Девчонки сделали прелестные книксены. Тот же Павел представил хозяйку Анной, двух сестричек звали Надя и Анастасия.

Всем трём милым подружкам было не более 16-17 лет. В пышных платьях у них не было особого различия. Похожие декольте, пышные кринолины, высокие причёски с какими-то немислимыми завитушками.

И всё же лица у всех необъяснимо разные. Вовка не думает, что девушки специально подчёркивали свою индивидуальность. Просто такие уж девушки появились в их обществе.

Но сегодня он сразу почувствовал странную связь, которая откуда-то возникла между ним и Наденькой из самого конца 18 века. Будто бы между ними вдруг натянулась незримая нить. Нечто подобное он совсем недавно испытывал

при встречах с большеглазой библиотекаршей из северного Беломорья.

Он еле справился с наваждением и обратил своё внимание на Василия.

«И чего это он такой бука с девчонками?.. Это непорядок...»

Конечно, не нужно быть особенным провидцем, чтобы понять причину гиперстеснительности Василия – он был отчаянно рыжим.

«Тоже мне – порок...»

И он решил взять над ним шефство, по крайней мере, на сегодняшний вечер.

«Сашка пусть... он и в Ростове не был донжуаном...»

Конечно, в душе и Вовка понимал, что путешествие во времени совершается совсем не для того, чтобы заводить романы с хорошенькими девушками... И потом, не надо забывать, что любой, даже самый безобидный, флирт может принести неизгладимую рану в душевные чувства.

«Вдруг девочка влюбится?»

А Вовка знал из той же литературы, как могли влюбиться девочки из 18-го и 19-го веков. Та же Джульетта. Правда она и вовсе из средневековья.

«Ладно, рано или поздно уйду в плавание, а мало ли моряков уходит и... не возвращается. Найдётся утешитель...»

Особенно он утвердился в этом, когда узнал от Павла, что отец сестричек отставной генерал-аншеф.

-Богат, как Крész...*

-А разве они не обручены!.. – удивился Вовка. – Обручают ведь чуть ли не с младенчества... и как же богатые дочери до сих пор ни с кем не помолвлены?..

-Обычай такой и правда есть. Но в наше время редко достигшие совершеннолетия остаются верными этому обряду, да и потом, не всегда ведь рядом обязательно окажется пара, родители которых сочтут возможным их обручение. Для этого нужно, чтобы совпали множество условий...

Вовка согласился с таким резонном. Да и как не согласиться...

-Так что у нас сейчас всё больше вошедших в возраст девиц родители выводят в свет, - продолжал Павел. - А уж

* Крész – древний царь. Его богатство вошло в поговорку.

тогда чаще всего и происходит знакомство со всеми возможными последствиями...

-А что-то твой друг Василий до сих пор всё в одиночку? - начал превращать своё решение в реальность Вовка. - Ведь уже давно не отрок...

-Знакомил я его и не раз, да уж больно застенчив и скромн. А не все девушки таких любят - им всё больше вельчаков подавай.

-Значит, ему надо девушку повеселее, пошаловливее, чтобы они дополняли друг друга...

-Да у нас в столице не принято быть девушкой-веселушкой. Девушка должна быть тиха и скромна, а уж тем паче, которая на выданье...

Вовка понял, что вряд ли он сможет чем-то помочь Василию. Уж слишком много строгого этикета и для девушек, и для молодых людей. Он занялся изучением интерьера, который чуть ли не до последней мелочи напоминал убранство дворянской залы в доме майора Бредова.

«Эх, такой хороший дом тогда сожгли... но ведь и Бредовы были сатрапы – сколько крепостных заporоли...»

Скоро Павел толкнул Вовку в бок.

-Его высокоблагородие подполковник Степан Петрович Голиков, - зашептал он на ухо Вовке.

Вовка уже знал, что в таких случаях надо ждать, пока тебя не представят.

-Так желаете, чтобы я вас представил хозяину дома?

-А что, разве можно обойтись без этого, - спросил Сашка.

-Как так «обойтись», - резко взглянул Вовка. - Пошли немедленно.

Степан Петрович был в форме и, наверное, при всех регалиях, поскольку Вовка не знал, какие знаки и регалии носили подполковники 18 века. Но и того, что было, хватило до искр в глазах.

«Заслуженный человек, хоть и не в больших чинах» - решил Вовка.

-Так, из каких будете? - ласково спросил подполковник, - когда знакомство состоялось. - Уж, не в родстве ли с графом Петром Ивановичем Паниным*?..

* Панины, графы: Никита Иванович – воспитатель Павла I, министр иностранных дел.

-Увы... таким родством я похвалиться не могу. Батюшка мой небогатый дворянин, у нас имение в... в Швамбрании...

-А сколько душ? – не обратил внимание на странную губернию Степан Петрович.

-Шестьсот...

-Гм... - только и хмыкнул Степан Петрович себе под нос с пышными усами.

«Хватил, наверное, лишка с количеством душ... а может, недобрал»

Вовка и понятия не имел, сколько должно быть душ у помещика, чтобы считаться хотя бы средне состоятельным.

Приглашение к столу

В продолжении колоброда о танцах, Вовку пугал и предстоящий застольный этикет. У генерала Михельсона было проще – там одни мужики вокруг стола заседали, а здесь девушки, да ещё из приличной семьи!.. Вовка как-то и не помнит детали сугубо мужского застолья. Тогда это просто в голову не пришло.

Конечно, Вовка мог управляться ножом и вилкой, да и Сашка тоже, но разве дело только в этом - существовали ли вообще тогда ножи и вилки как столовые приборы?..

Как оказалось, существовали...

Итак, кроме хозяйской дочери Анны, в сегодняшней в компании прелестные дочери генерал-аншефа Васильева. В своём настоящем времени Вовка не раз бывал в компаниях, в которых ему выпадало знакомиться то с одной девчонкой, то с другой. И не всегда эти знакомства перерастали в привязанность, хотя бы временную. И скорее всего, об этом не жалели обе стороны.

А пока Вовка продолжал нерешительно и чуть искоса смотреть на ещё одну Наденьку и находил, что она и в самом деле сильно похожа на ту самую ростовскую студентку-библиотекаря. Он даже попытался зрительно отделить лицо от необычной для него причёски и платья – вышла и вовсе полная копия. Даже чуть приглушенный, бархатистый голос был ему знаком.

Пётр Иванович – генерал-аншеф, 1774-1775 гг. командовал войсками против Е.И. Пугачева.

Но какой-то голос изнутри предостерегал его от дальнейших сравнений. Ведь и Эльтина тогда в сибирской тайге показалась ему очень похожей на его ростовскую Надю. Не слишком ли много подозрительного сходства!..

-Наденька, нет ли у вас родственников в... Швамбрании? – не удержался всё же Вовка от вопроса, когда за столом воцарилось весёлое и шумное оживление.

Вовка тут же заметил, как сильно вытянулось и без того не круглое лицо Сашки.

-А ты хочешь, чтобы я спросил про Ростов? – постарался незаметно шепнуть Вовка.

-Нехорошо секретничать! – погрозила пальчиком глазастая Наденька. - Да ещё в одной компании...

-Да мы... - надолго запнулся Вовка, боясь заглянуть в такие знакомые глаза.

-Он про то, что зала наших любезных хозяев напомнила ему о доме, - пришёл на помощь настоящий друг Сашка.

-А про вашу Швамбранию мы ничего и не слыхивали, - всё же ответила на вопрос Наденька.

Потом были незатейливые игры в фантики. Вовка предложил, было, поиграть в бутылочку, но когда все вникли в суть игры, то расценили её как слишком фривольную.

-А у нас в Швамбрании...

Но потом он искренне извинился.

Вовке не нужно было особенно напрягаться, чтобы понять, что его ухаживания, если и не достигли цели, то никак не остались незамеченными.

Было принято решение свидеться на предстоящем празднике Морского корпуса 6 ноября.

Этой ночью Вовка заснул не сразу. Он думал о Наде...

«Где она сейчас - его Надежда?..»

Она тоже в этом году закончила свой библиотечный техникум, и была направлена на работу в ростовский пригород Батайск. А там сразу директором местной детской библиотеки. Что значит – красный диплом и хороший отзыв с места рабочей практики

«Мозги в раскоряку... ведь она ещё не родилась, до этого момента ровно полтора века!.. Да и сам я непонятно кто...»

Вовка вдруг вспомнил, что Василий в разговоре упомянул, что в Морском кадетском корпусе было учебное судно «Надежда»

«Кругом одни Надежды. Ведь и флагманский шлюп Крузенштерна называется «Надежда». Просто об этом пока ещё никто не знает. Даже сам Крузенштерн. Интересно, а где сейчас он?.. Наверное, в плавании. Надо будет поспросить преподавателей – может кто-нибудь из них знаком с ним. Ведь он учился в этом же Корпусе...»

Была и ещё одна Надежда... ведь в мореходке курсанты подарили первому женатику из их группы Витьке Колчанову большую модель парусника из нержавеющей стали и назвали его тоже «Надеждой»!.. Этот парусник смастерили Сашка Назыров и Вовка Панин. Правда, тогда у Вовки ещё не было девчонки по имени Надя.

Вовка попытался заснуть. Но ему мешала отовсюду давящая тишина. Здесь не было никакого ночного шума. Да откуда же ему взяться?!.. Тут тебе ни подъёмных кранов в порту, ни гудка парохода, ни шума двигателя проезжей машины... ни метро под землёй, ни трамвая, ни яркого света рекламных огней...

«Да... к тишине и такой темноте, оказывается, тоже надо привыкать...»

Нарвался на дуэль

Конечно, общение новых гардемарин не остановилось только на самых близких соседях. Им не так уж редко приходилось заходить и в другие дортуары, в большинстве из которых жило от пяти до десяти кадетов и гардемарин.

Обычно поводом для этого служила потребность поиска какого-либо нужного учебника, а то и просто неожиданно кончались перья или чернила, а лавка была уже закрыта. Да и простое общение не возбранялось.

Вовку, прежде всего, удивило, что, скажем, в шестиместном дортуаре могли размещаться два гардемарина выпускного класса, трое кадетов 13-15 лет, а один и вовсе - то ли десяти, то ли одиннадцати лет от роду.

«К чему такая разница?..»

Но потом он решил, что и здесь есть некий здравый смысл. Почти круглосуточное общение салаг с более старшими, а значит, и более опытными товарищами, быстрее помогает «малышне» воспитывать в себе качества, достойные гардемарин. Да и опека старших над младшими всегда только на пользу по разумению Вовки.

Но так он думал недолго. Очень скоро Вовка заметил, что младшие находятся в полной зависимости от старших. Это, прежде всего, выражалось в беспрекословном подчинении кадетов гардемаринам. Гардемарин мог заставить младшего воспитанника чистить свою амуницию, убирать в своей половине, бегать по различным посылкам и много разного другого. За неподчинение гардемарин мог наказать младшего зуботычиной, загнать того под кровать или в шкаф, а то и вообще выставить мальчика из дортуара на холод.

«Вот оно то самое проклятое крепостное право, против которого воевал и сложил буйную головушку казачий атаман Емельян Пугачёв...»

Правда, молодой кадет по происхождению мог быть гораздо более знатного рода, чем помыкавший им гардемарин, но это здесь в учёт не принималось.

Вовка чувствовал, что рано или поздно он столкнётся с таким произволом лоб в лоб. Нет, статус ростовчан, на который вознесла их Эльтигена, не давал ни минуты для сомнений, что их, как новичков, тоже могут преследовать подобным образом. Вовка был почти уверен в другом – в том, что обязательно будет повод для крупного разбирательства, в центре которого будет именно он – в недалёком прошлом «красный командир».

Так и вышло.

Как-то Вовка торопился по коридору, и в тени одного из закоулков заметил непонятное шевеление. Вовка присмотрелся. Боже мой!.. На холодном полу вечернего ноября молча топтался босой кадетик в одних портках, да ещё с ошейником на цыплячьей шее.

-Чего это ты здесь? - удивился, было, Вовка. Но сразу понял, что это наказание в воспитательных целях. – За что? - переспросил он.

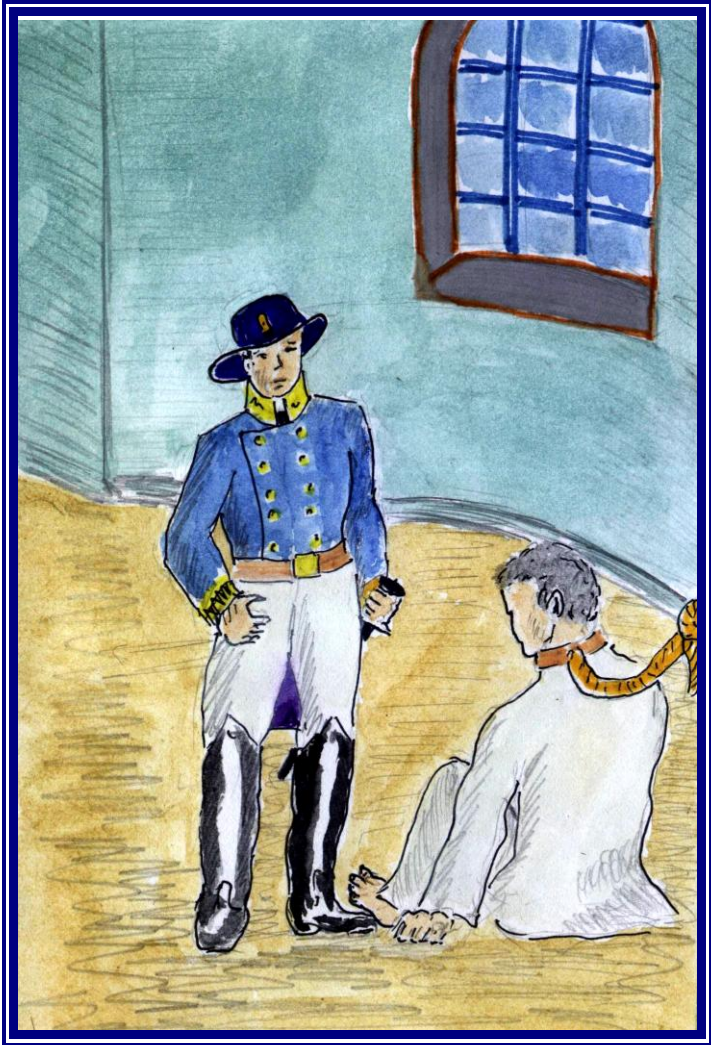
Кадет молчал. Вовка повторил вопрос, но следовала та же реакция.

«Вопрос чести... не хочет жаловаться. А разве есть честь у того, который изобрёл такой способ наказания для мальчика?..»

Вовка более пристально глянул на юного кадета.

«Да это же из 22 дортуара...»

Немеещими от холода пальцами, Вовка расстегнул ошейник грубой кожи, несмотря на вялое сопротивление наказанного.

-Я есть гардемарин, и ты обязан мне подчиниться, как и все прочие кадеты!

Когда Вовка завёл мальчишку в дортуар, в комнате воцарилось большое оживление, но задавать вопросы никто не торопился. Спросил Вовка:

-По чьему приказу сего кадета выставили в ошейнике на холод, да ещё почти нагого?..

Вовка переводил взгляд от кадетов к гардемаринам и обратно. Но вот вперёд выступил гардемарин Хохлов, которого Вовка считал одним из самых ярких личностей выпускной роты.

-Я соизволил... да разве я права не имею?

-И за что же такая суровая кара?

-Он был послан мной с запиской к... к одной особе, но записку потерял...

Вовка чуть запнулся, осмысливая сказанное.

-Но по какому праву ты учиняешь мне допрос?! – вдруг резко поднял голос теперь уже гардемарин Хохлов.

-По праву чести и справедливости! Как ты посмел надеть ошейник на человека, будто это тварь безмозглая?! - повысил голос и Вовка.

Такая прилюдная словесная перепалка не могла закончиться пустопорожними междометиями. К тому же прозвучали такие слова, как «честь» и «справедливость» - священные для каждого гардемарина.

-Я требую сатисфакции, - первым успел гардемарин Хохлов.

-В любое время к твоим услугам. Надеюсь, мы не будем откладывать решение о секундантах и условиях дуэли в долгий ящик...

-Я в этом заинтересован не меньше твоего...

-В таком случае честь имею. Однако, прошу сего отрока от дальнейшего наказания освободить. Также примите к сведению, что кадет ни словом, ни жестом не просил снисхождения, а также жалобы...

... Сашка лежал в койке, читая пособие по астрономии.

-Муторная всё же эта наука – астрономия, - отложил он книжку при виде Вовки. – Вот уж никогда не думал, что мне смертельно надоеет наука о планетах и звёздах...

-Мне тут не до наук пока, - хмуро отозвался Вовка.

-Мало ли, - привстал Сашка. - Ведь всё равно придётся в ней ковыряться...

Вовка промолчал. Он думал о предстоящей в скором времени дуэли. Из литературы он помнил, что дуэлянты были гонимы властями ещё во времена мушкетёров. Да и не хотел он никакой дуэли – это Хохлов успел выпендриться. Но заднего или какого-то другого хода не было.

Узнав о Вовкиной проблеме, Сашка хмуро предложил:

-Давай-ка пока ничего не предпринимать, посоветуемся с Павлом, а там...

Выслушав Вовку, Павел чуть подумал и многозначительно изрёк:

-Тут ничего не попишешь – честь и гардемарин сиречь понятия неразделимые...

Но Вовка уже и сам подумал об оружии. Фехтовать он, сразу скажем, не умел. Правда, они с Сашкой успели получить несколько уроков из обязательной корпусной программы, но до того, чтобы сражаться шпагами с Хохловым на равных – им было далеко.

«Пистолеты... вот на что надо соглашаться, - крутилось в голове у Вовки.- Тем более, и Павел сказал, что дуэли у них хоть и редко, но случаются именно на пистолетах...»

Но тогда вряд ли Хохлов сумеет выйти на уровень Вовки Панина. Ведь он с самого раннего детства на «ты» с ружьём и пистолетами. Ещё недавно они до одури тренировались в стрельбе из самодельного пистолета Васьки Живаленко в овражистых лесах вокруг Зеленогорска. Сам изобретатель пистолета далеко уступал в меткости Вовке.

Да и в мореходке он, шутя, без всяких предварительных тренировок, выбил второй стрелковый разряд не только для себя, но и для Сашки, выйдя под его фамилией на обязательные стрельбы. Он мог бы выбить и первый, но для этого надо было заниматься в стрелковой секции, которой в училище не было, и участвовать в соревнованиях, по меньшей мере, городских...

Правда, дуэльные пистолеты – это возможно что-то другое, чем Васькина самоделка.

«Какая такая особая разница?.. Ствол, рукоятка, прицел и спусковой крючок» – набирал решимости Вовка.

Секундантом Вовка попросил быть Павла. Сашка для этой цели не годился хотя бы потому, что он был ни бельмеса в строго размеренных дуэльных правилах. Как, впрочем, и сам Вовка.

Несмотря на то, что наказание грозило не только прямым дуэлянтам, но и всем, кто принимал участие, будущий секундант согласился без колебаний.

-Господин Хохлов должен понести наказание, - заявил Павел. - Он не впервой замечен в особо жестоком обращении с кадетами.

Как бы не вышло наоборот... но, посмотрим...

Вовка, было, думал, что будет какая-то проблема с дуэльными пистолетами, но оказалось, что в Корпусе даже существовал тайный хранитель полного снаряжения для организации дуэли. Это был один из гардемарин, пользующийся особо высоким доверием.

За день до назначенной секундантами дуэли, Павел принёс к себе в дортуар дуэльный гарнитур. Именно так назвал Павел небольшой чемоданчик.

-Гарнитура два и второй у секунданта противной стороны, - доверительно сообщил Павел.

До чего же красивы дуэльные пистолеты! Даже сам ящикек представлял собой больше инкрустированную резной костью шкатулку для дамских принадлежностей, в том числе и драгоценностей, нежели хранилище оружия смерти. А два одинаковых до мелочей длинноствольных пистолета с затейливой гравировкой на металле ствола и накладках на деревянном цевье!.. А резная полированная рукоятка!.. Да таким пистолетам только и место, что висеть на ковре в шикарной гостиной!..

-Паша, а как можно проверить эти пистолеты, ведь я ещё никогда в жизни не держал ничего подобного?..

-Да разве вас в мореходных классах не учили оружию? – удивился Павел

-У нас было другое оружие, - уклончиво ответил Вовка. – Вот и хотелось бы сравнить.

-Отчего же, - быстро согласился Павел. – На это ты имеешь полное право. Да тут недалеко и укромное место найдётся.

Многоопытный Павел помог зарядить оба пистолета. А это тоже целое искусство. Тут тебе и пороховница с мерками, шомпола, молоточки, пулелейка для отливки свинцовых пуль, сами готовые пули. Вовка сразу обратил внимание, что литые пули далеки от правильного шара.

«Разве они полетят точно в цель?.. Скорее они вернуться назад из-за сходства с бумерангом»

Конечно, Вовка переборщил, увидев в пистолетной пуле бумеранг.

-А можно я для своего пистолета сам изготовлю пулю? Это не противоречит правилам?

Павел задумался:

-Про это в наших скрижалях* нигде не говорено и не писано...

-Значит, можно...

Не долго думая, Вовка распалил пулелейку, нарезал мелкий свинец в мелкую крошку и отлил свинцовые шарики чуть больше диаметра дульного отверстия, прокатал их до цилиндрической формы точно по калибру и сделал на пулях косые нарезки. Именно такие нарезки иногда делают на охотничьих жаканах для повышения точности и силы при стрельбе из гладкоствольных ружей. Нарезки придают пуле вращение, и она словно вворачивается в воздух, избегая любого отклонения от цели. Он и сам не раз стрелял подобными жаканами из охотничьего ружья.

-Знатно придумано, - с интересом разглядывал Павел два готовых жакана, хотя вряд ли отчётливо понимал назначение нарезок.

Пошли втроём, несмотря на то, что Павел был категорически против участия Сашки, а тем более Василия в предстоящей дуэли.

-Как в начальстве прознают, так всем не поздоровится, - пояснил он. - Зачем же страдать невиноватым?..

Но разве Сашку удержишь. Тем более, что Вовка был никак не против участия Сашки во всех его делах.

-А какое наказание за это полагается?

-Могут выгнать вон из Корпуса, а то и вовсе в крепость закатать.

-Неужто в самую Петропавловскую?

-Да у нас только туда и препровождают... а уж оттуда, помогай Бог, когда выйдешь... а то и вовсе пропадёшь...

-И были случаи?

-Да пока Бог миловал, - явно неохотно отвечал Павел.

-Значит, и дуэлей не было? - продолжал надоедать Вовка.

-Были и бывают, да у нас промеж себя строго на этот счёт. И офицеры наши не торопятся выносить на свет...

* Скрижали - доски, на которых написаны заповеди Христа

Вовка замолчал. Он уже утешился, что за участие в дуэли у него, по крайней мере, есть шанс избежать наказания. У других тоже...

Конечно, Вовка думал и о простом примирении. Тем более, что специальная комиссия признала его обидчиком, а Павел просветил, что примирение возможно, если Вовка попросит извинения и признает свою неправоту.

Вот с этим Вовка согласиться не мог. Да разве это он был не прав, заступившись за малолетнего кадета?!..

А уж обиженному дуэлянту и вовсе по кодексу грозит лишиться чести, если он придумает идти на примирение первым.

И всё же Вовка давно понял, что дуэль, которую они затеяли с Хохловым, куда как серьёзная штука, а ему не хотелось кого-то убивать или ранить... даже крепостника и сатрапа Хохлова.

Но ведь, кроме всего прочего, существовала возможность и того, что будет убитым он... А это уж совсем не входило в его планы, по крайней мере, на ближайшее обозримое будущее.

-А если я выстрелю в воздух? – продолжал прокручивать возможные варианты Вовка, шагая по жухлой листве поздней осени.

-Можешь, но обиженный всё же сохраняет за собой право выстрела в цель...

«Тожe никак не выход...» - мучительно раздумывал Вовка, держа в зубах травинку.

-Но вот если он первым выстрелит в воздух...

-И тогда?..

-Тогда и ты стреляешь в воздух, и поединок заканчивается примирением

-Вот и пришли...

Павел приспособил чемоданчик на плоском, словно нарочно для этого сделанном, широком пне.

-Выбирай любую цель.

Ещё в дортуаре Вовка пробовал так и эдак вскидывать пистолет, целить его в разные точки, просто держал его на весу.

«Тяжеловат даже против Васькиного многозарядного поджига, но тут уж ничего не поделаешь. Просто не надо долго целиться...»

Быстро темнело – всё же ноябрь, да ещё и северный Питер. Ещё чуть и не разберёшь не то что мушку с прицелом, но и цель не увидишь.

Вовка сам установил захваченную ещё от одной из печей в столовой плоскую чурку под низ широкоствольного, давно безлистного дуба.

Теперь надо определиться с расстоянием. Со слов всё того же Павла, он знал, что дуэль может происходить с разного расстояния. А пока секундант Павел сосредоточенно отмеряет двадцать пять широких шагов. Вовка молча оценивает дистанцию.

-Добавь-ка ещё шагов пятнадцать...

-Да надо ли? – чуть сопротивляется Павел.

-Надо...

Расстояние отмерено, Вовка становится за отметку сорок шагов.

«Метров тридцать-тридцать пять, - опять прикидывает он на глазок. - А с Васькой Живаленко в лесу и пятьдесят метров были не предел...»

Павел не спеша взводит курки поочерёдно обоих пистолетов, насыпает на полки чёрного древесного пороха.

-В ствол попадёшь ли? – подаёт он пистолет.

-Подай сразу оба...

-В дуэли сразу двумя пистолетами нельзя, - спорит Павел. – Это против кодекса...

-Стреляться буду только из одного...

Вовка принимает пистолеты обеими руками, сразу коротко прицеливается и левой, и правой.

Два выстрела слились в один!..

Сашка и Павел бегут к чурке - тут же назад.

-Конец Хохлову! – чуть не кричит Павел. – Да я первый раз вижу столь изрядную стрельбу!..

Вовка видит в центре чурки два отверстия рядом. Между ними не более сантиметра.

-А ты говоришь – мореходные классы, - доволен и сам Вовка. – Теперь видишь?..

-Да ведь, - бормочет Павел, - чудно уж очень. Кто ты такой?..

Вовка не готов ответить на этот вопрос. Впереди дуэль. Но, если во времена Пушкина считалось большой меткостью попасть в игральную карту всего с десяти шагов, то понятно, что у Хохлова и в самом деле мало шансов.

-А что, если я при Хохлове так же выстрелю? – приходит ему в голову. - Может, тогда он согласится на примирение?..

-С его стороны это уже будет явная трусость, - сразу даёт отповедь Павел. – Так что...

-Но с его стороны это как раз и есть то, что называется «лезть на рожон»

-Честный дуэлянт не выбирает противника...

Как одному из главных действующих лиц Вовке донесли, что дуэль может происходить в разных вариантах, но самый распространённый в Корпусе - «дуэль с барьерами». Это когда два противника становятся на сорок-пятьдесят шагов и по команде «вперёд!» начинают схождение к барьерам, между которыми двадцать пять шагов. Впрочем, количество шагов было не обязательным, и это тоже зависело от согласия дуэлянтов. Первенство стрельбы назначалось простым жребием.

В корпусе была и негласная комиссия из гардемарин, которая определяла вид и тяжесть оскорбления, а также кого считать обидчиком, а кого обиженным. Было это неспроста. Дело в том, что обиженному предоставлялись кое-какие дополнительные права.

Например, ему предоставлялось право выбора оружия, вида дуэли и даже расстояния, с которого будут стреляться дуэлянты.

В комиссию из пяти гардемарин входил Павел. Потом он рассказывал, что члены долго спорили, кого признать обидчиком. Но тремя голосами против двух всё же признали обидчиком Вовку, который первым затеял спор и первым затронул вопросы чести и справедливости. Раз обидчиком стал Вовка, то обиженным и стал гардемарин Хохлов.

За выбор оружия Вовка уже не беспокоился – пистолет здесь давно признан единственно приемлемым. И хотя каждый гардемарин носил на поясе шпагу, её как дуэльное оружие давно не применяли, поскольку справедливо считали, что здесь часто имеет преобладающее значение природная сила и ловкость дуэлянта, а также его подготовка, как фехтовальщика.

Пистолет же гораздо в большей степени уравнивал шансы, чем шпага, хотя и здесь не могло быть настоящего равенства.

Выстрел

Как и ожидалось, гардемарин Хохлов выбрал дуэль с барьерами. Начальную дистанцию он выбрал в 50 шагов, притом, будучи всё же достойным противником, предложил Вовке дать свой вариант, но тот полностью и сразу согласился с вариантом Хохлова.

-Время дуэли - сегодня после геометрии, - сообщил Павел по выходу из церкви после обедни. – Имей готовность. Оставалось три часа.

Вовка видел фильм, в котором главный герой перед дуэлью не спал ночь, писал прощальные письма, завещания, отдавал последние распоряжения по дому...

«А что у меня?.. Какие письма?.. Да и куда их писать?.. Разве что отдать Сашке?..»

Но Вовка спохватывался и гнал прочь эти мысли.

«Да ведь, как говорит Павел – ещё ни одна дуэль в Корпусе смертью не кончалась...»

«Буду целить ему в руку с пистолетом. Только надо успеть выстрелить первым, - окончательно решил Вовка. – И главное - спокойствие...»

Вовка в сопровождении Сашки и Павла пришли в то же место, где пристреливались накануне, пешком. Хохлов с секундантом Сергеем Марковым подкатили в коляске, хотя и пешего хода было всего-то десять минут.

«Для чего ему этот выпендрёж?..»

Вовка ещё более удивился, когда Хохлов сбросил чёрный плащ. Его противник предстал во всём блеске парадной гардемаринской формы, которой у Вовки и вовсе не было.

«А ведь тоже можно было бы озаботиться. В крайнем случае, взять на время у кого-нибудь...»

В Ростове не считалось зазорным выйти в увольнение в брюках или куртке товарища, но это было уже на последнем курсе, когда у многих по рундукам пряталась гражданская одежда...

Вовка пытался поймать взгляд противника, который, как и положено, стоял поодаль, но это ему никак не удавалось. Тем временем секунданты неслышно обсуждали порядки поединка. Сашка стоял рядом.

-Как настроение? – в полушёпот спросил он.

-Нормально, - произнёс Вовка своё дежурное слово на все случаи жизни.

Перед противниками прочертили шпагами «барьеры», окончательное расстояние между которыми определили в тридцать шагов. Секунданты молчаливо разошлись по своим сторонам.

-Я предложил примирение, но без извинения – не принято, - кратко информировал Павел. – Надо становиться к исходу. Саша, прошу оставаться здесь...

Точно как и в день пристрелки, Павел заряжает Вовкиной пулей пистолет, подаёт его Вовке. Напротив происходит то же самое.

-Вперёд...

Было ли у Вовки в жизни что-то подобное. Его давнишний поединок с атаманом Витькой Плахиным, в котором метательным оружием были камни – нет, это не поддаётся сравнению.

И вообще... как это сообразуется с тем, что родился он в двадцатом веке, а может погибнуть в восемнадцатом?.. Что за дела?..

Шаг за шагом - их должно быть всего десять. В правой руке пистолет. Оба дуэлянта держат их стволами вверх. Вовка замечает, что Хохлов начинает опускать оружие.

«Павел сказал, что такой быстроты прицеливания, и самого выстрела, как у меня, он никогда не видел... Что ж, чуть выждем, пока он подойдёт точно к барьеру...»

Хохлов продолжает идти, ствол его пистолета скоро опустится на уровень Вовкиной головы. Вовка упёрся взглядом в руку с пистолетом. Сам он тоже опускает руку, но нарочито запаздывает - Хохлов уже прищуривает глаз...

«Восемь, девять, - идёт отсчёт в голове у Вовки. – Всё, черта!..»

Вовка резко опускает руку, почти не целясь, нажимает на курок.

Выстрел!..

Но что это?!.. Хохлов падает навзничь. Все бросаются к нему, первым успевают секундант Хохлова.

Вовка остаётся на своём месте. Ведь по правилам он должен стоять целых две минуты на случай, если раненый противник найдёт в себе силы сделать выстрел.

-Убит!.. Убит! – кричит Сергей Марков. – Не дышит!..

-Володя! – кричит и Павел. – Беги сюда – он не дышит!..

Только тогда Вовка сорвался с места.

-Неужели убил! – громко кричит он. - Я ведь стрелял ему в руку с пистолетом!..

Все участники дуэли со всех сторон лихорадочно осматривают тело гардемарина Хохлова. Нет ни крови, ни пробитых пульей отверстий в белом парадном камзоле.

-Дышит!.. дышит! – наконец, кричит Сергей. – И сердце стучает!..

Вовка иступлённо молчит. Сашка натурально сильно бьёт его в скулу.

-Очнись... живой он...

Хохлов с усилием рук и ног принимает позу «сидя». С бессмысленно широко открытыми глазами трогает и чешет свой лоб.

-Ах, как больно... и голова гудом гудит... что же это вышло?..

Вовка озирается по сторонам

Невдалеке, притом сзади наискосок, лежит уродливо искореженный дуэльный пистолет гардемарина Хохлова.

-Вот куда я стрелял... вот и след пули.

Вовка в иступлении кидается на своего недавнего противника, тискает его во всю силу.

-Гришка!.. Гад!.. Да что же ты упал-то?!.. Упал как подрубленный...

-Опять, - чуть шевелит слабыми губами Хохлов. - За гада...

-Да упаси Господь!.. У нас в Швамбрании «гад» заместо как у вас...

Вовка не нашёл сравнения. Вместе со всеми он поднял гардемарина Хохлова и довёл его до коляски. Поддерживаемый друзьями Хохлов, шёл на своих ногах.

Но что это опять?! Вовка чуть ли не явно увидел, как у Хохлова над левым глазом растёт шишка. Вовку шишкой не удивишь – сколько их было на его веку!.. Но шишка Хохлова росла на глазах, она словно наливалась откуда-то изнутри... вот она и вовсе стала похожей на рог.

Сергей посадил Хохлова в пролётку - они уехали...

-Вы видели шишку?

Конечно, шишку видели и Павел, и Сашка.

-Да ведь за неё, как за рог у телёнка можно взяться, - удивлялся вслух Сашка. – Чем это его крепко угораздило, не пулей же?..

-Думаю, вот чем, - предъявил искорёженный пистолет друзьям Павел. Он только что поднял его с земли. – Тяжёлая штука....

-Специально в пистолет стрелял? – глянул на Вовку Сашка.

-А что же мне было делать? Ещё доля секунды и он всадил бы мне, по меньшей мере, в грудь...

-Вот пистолет и вылетел у него из руки и треснул по лбу, - сделал правильный вывод секундант Павел.

-Да... а пистолет-то всё... - вертит оружие в руках и Сашка. - Теперь это не пистолет, а железяка - разве что орехи колоть...

-За порчу пистолета Хохлов будет обязан приобрести новый гарнитур, - резюмировал Павел. – А я попрошу комиссию, чтобы второй пистолет из этого гарнитура оставили у Владимира в качестве приза за отличную стрельбу.

Уже в Корпусе секундант Хохлова Сергей Марков сообщил, что у того, кроме ставшей по настоящему огромной шишки, сломан указательный палец. Тот самый, которым он на долю секунды не успел нажать на крючок.

На следующий день секунданты подробно изложили в комиссии о прошедшем поединке и его итогах. Комиссия пришла к выводу, что оба дуэлянта вели себя достойно. Оставшийся в сохранности пистолет и в самом деле был вручён Вовке.

А странной формы шишка у Хохлова не спадала несколько дней. Её никак невозможно было скрыть за самой толстой перевязью.

-Что это у вас, гардемарин Хохлов, - поинтересовался Платон Яковлевич на занятиях.

-Так что быстро бежал, да стукнулся об угол, - вполне бодро доложил Хохлов.

-Ну-ну... - только и произнёс Платон Яковлевич. - Углов у нас много...

Коварная шишка всё же начала спадать, но так, что вся чёрная кровь, накопившаяся в ней, стекла вниз вокруг глаза и дальше на всю левую сторону, отчего лицо гардемарина превратилось в маску паяца ещё на целую неделю.

Потом Вовка и его друзья прослышали, что Хохлова в его дортуаре прозвали Единорогом...

6 ноября...

6 ноября* самый большой ежегодный праздник в Морском кадетском корпусе. Именно в этот день поминали Святого Павла Исповедника, в честь которого в 1797 году при императоре Павле I освятили корпусную церковь. К праздничному обеду подавался традиционный гусь с яблоками, пломбир. Каждому индивидуально подавали конфеты в особой коробке с гербом Морского корпуса. Во время обеда в Столовом зале, где, наряду с командным составом и гостями, присутствовали и сами воспитанники, играл корпусной оркестр.

Но праздник этот был не только для кадетов, гардемарин и командного состава с преподавателями. Бал 6 ноября в Морском кадетском корпусе открывал зимний светский сезон в столице.

Вовка, да и Сашка никогда гурманами не были. Но гусь с яблоками был до того хорош, что его не с чем было сравнить даже в их настоящей жизни в 20 веке. Не до того, конечно, что наши современники не едали ничего подобного, просто ростовчане были не того круга, в котором подавали бы гусей с яблоками даже в праздники.

Вовка тут же опять вспомнил управдома Ивана Васильевича, который случайно попал за царский стол с такими же гусями, икрой и поросёнком.

«Надо же... прямо один к одному...икры тоже всякой навалом, зато баклажанной, которой курсантов частенько потчевали в родном училище и за завтраком, и за ужином - не видно...»

А вот вино не то, что кадетам, но и гардемаринам не подавали, хотя среди последних были и молодые люди лет под тридцать.

Но разве уследишь за ушлыми гардемаринами, мундиры которых имели такие просторные карманы, что в них можно было спрятать не то что бутылку, а едва ли не бочонок вина.

...Генерал-аншефу Васильеву не составило труда получить приглашение на этот бал со своими дочерьми. Да и секунд-майор Голиков расстарался. Оба старых солдата были

* По старому стилю

уверены, что самые блестящие и завидные женихи – непременно в Морском корпусе.

Но воспитанники всё же сидели отдельно от прочих приглашённых господ, и возможность встретиться наедине представилась только по окончании затяжного банкета.

...После помпезных танцев с полонезом и кадрилию, Вовка с Надей вышли в сквер неподалёку от Корпуса. Такие скверы были во многих дворах тогдашнего Петербурга. Здесь же и маленькая беседка. На улице начало ноября, но ещё тепло и немного сумеречно.

Вовка терялся до полного оупения в голове.

«О чём с ней говорить?.. О чём спросить?.. Что в этой прекрасной головке?..»

-Наденька, есть ли у вас пристрастия, чем интересуетесь?..

-У нас с Настенькой гувернёр и он замучил нас уроками из арифметики, да геометрии...

-Батюшки, - громко удивился Вовка. - Да для чего же девицам арифметика?

-Вот и мы тоже... нам бы больше политесу, этикету, да про французских королей и принцев...

-А книги какие читаете?

Наденька назвала пару книг, об авторах которых Вовка никогда не слышал...

-Да про что же книги?

-Про любовь, про страсть, про принца и пастушку...

Вовке не хотелось больше задавать вопросы. Он и без того знал, что будущее этой Наденьки удачное замужество, муж – крупный сановник или военный, множество детей... Будет, правда, выход в свет, но для замужней женщины – это только пересуды с такими же великосветскими дамами, гада-ние на картах да разговоры с душами умерших...

-Как же совсем без пристрастий – ведь я не робот...

Вовка опешил.

«Что она мелет?!.. Какие роботы?..»

Взгляды их встретились. Но теперь перед Вовкой была не легкомысленная девушка из столичной аристократической семьи, а нечто и впрямь глубоко знакомое. В голову прибоем шибанула радость.

-Надя, ты Эльтина?!..

Надя рассмеялась:

-Наконец-то подозрения обратились в действительность, - тронула она Вовку за обшлаг мундира. – Конечно же, это я...

-Кто ты?.. Надя или Эльтина?..

-Сейчас ты спрашиваешь меня о ростовской Наде?

-А как же твоя способность читать мои мысли?

-Я умею отключать свои способности, если этого не требуют обстоятельства.

-Уж конечно ты не дочь генерал-аншефа Васильева...

У Вовки град вопросов:

-Если ты не дочь генерала, значит ты Надя из Ростова?.. Тогда кто же дочь генерала?.. Она существует на самом деле или её нет?..

-Довольно мучить себя и меня вопросами. Эльтигена наградила нас способностью не только читать чужие мысли и превращаться в различные ипостаси*, но и временно проникать в сознание любой личности и действовать от его имени... я понятно говорю?..

-Не о-очень, - длинно протянул Вовка. – А как же сами эти личности? Всегда ли они согласны, что от их имени действует кто-то посторонний, пусть даже волшебник или волшебница?..

-Я согласна, что здесь есть некий перегиб с моральной стороны, но в сознании наших, говоря по научному, реципиентов* не остаётся никаких следов нашего временного присутствия...

-Значит, генеральская дочка сейчас бесполезно выжидает меня в столовой корпуса?..

-Ты меня действительно плохо понял. Перед тобой настоящая дочка генерала, но с внутренним сознанием и разумом Эльтины.

-А где же тогда сознание Нади Васильевой?..

-Оно спит...

Вовка присвистнул.

-Как, оказывается, просто. И, наверное, видит прекрасный сон, в котором я разговариваю с девушкой, очень похожей на неё.

-Нет, - резко ответила Эльтина, не приняв Вовкиной шутки.

* Ипостась - суть

* Реципиент – лицо, которому пересаживают орган

Вовка понял, что Эльтина тоже может обижаться. Или сердиться?.. Но он всё же задал вопрос, который никак не мог не задать:

-Эльтина, а почему и тогда в тайге, и, особенно, сейчас, ты являешься передо мной очень похожей на мою ростовскую девушку Надю?..

Теперь уже Эльтина, казалось, набиралась решимости для ответа.

«Действительно - всё как у обычных людей...» - ждал Вовка ответа.

Но ответ оказался до обидного простым, и столь же неожиданным:

-И тогда, и сейчас я хотела доставить тебе приятное...

Оба надолго замолчали. У Вовки в голове бездумно перекатывались какие-то шестерёнки, оси, шкивы, но смысла в этом крутящемся кавардаке не было.

-Но... но ты говорила, что и в Ростове не оставляла меня совсем без внимания?.. Как это происходило?

-Да-да!.. Воплощалась я в Надину сущность! – с неожиданным надрывом чуть не вскричала Эльтина. - И даже несколько раз гуляла с тобой на набережной!..

Вот это да!.. Значит, Вовка гулял по Ростовской набережной, в парке, и просто по улицам и не знал, с кем гуляет!.. Знакомил её со своими друзьями-однокашниками... Он попытался даже вспомнить что-то необычное в поведении библиотечарши Нади, но память ему ничего не подсказала.

-А я так и ни разу не заподозрил, что рядом со мной иногда была не Надя...

-Это никому, кроме меня, не было нужно. Если честно, то нам, Эльтинам, так иногда хочется побыть обычными девчонками...

-А как это соотнобразится с предметом твоего внимания?.. И как часто у тебя возникает такое желание?

Вовка сам не почувствовал, что у него явно назревают пока скрытые признаки ревности.

Эльтина опять помолчала.

-Типичный, самовлюблённый эгоист, - сощурила большие (Надины?) глаза Эльтина. – Вот расскажу Наде, какой ты ревнивый...

-А разве ты её можешь видеть? – задал очередной глупый вопрос Вовка.

-А как ты думаешь?

-Конечно, - покрутил у своего виска палец Вовка. – Только мне непонятно – кого я ревную?.. Тебя или Надю?..

-Время позволит тебе разобраться в этом – уж поверь мне. А теперь я хотела бы поговорить о наших делах и, прежде всего, ваши вопросы...

Не сразу, но Вовка вспомнил вопросы, над которыми они с Сашкой думали долгими, длинными вечерами в своём дортуаре.

-Надя... прости, Эльтина, самое главное: мы вот на днях с Сашкой посоветовались и решили, что нам не обязательно ещё почти целых два учебных года тянуть курсантскую лямку. Может, есть какой-то ускоренный вариант? Или что-то в этом роде?

-Ты знаешь, а я рада, что ты так оговорился... странно, но я очень хочу, чтобы ты и впредь называл меня Надей.

-А как же Сашка, ведь он знает реальную ростовскую Надю?..

-Я не меньше реальная, - быстро отреагировала Эльтина. – И впредь прошу не видеть во мне бестелесное создание...

-Извини...

-Итак, вы предлагаете что-то вроде сжатия времени. Такое предложение с вашей стороны мы предвидели. Отчасти, поэтому я и здесь.

Вовка заметно приободрился. Он весь внимание и сосредоточенность.

-Собственно, вы приобрели то, что мы имели в виду, помещая вас в морской корпус. Вы познакомились с самим корпусом, узнали его историю, его командование и преподавателей... У вас появились друзья-однокашники. Теперь вы не будете путаться и вызывать ненужные подозрения среди других моряков, с которыми будет пересекаться ваша дорога. Мало того, вы приобрели и практические, и теоретические навыки парусного дела и много другого, что должен знать и уметь русский моряк и офицер из начала девятнадцатого века.... А теперь о сжатии времени... Что вы сами-то имеете в виду под этим термином?..

-Ничего особенного... просто нам желательно было бы перешагнуть время и очутиться среди своих однокашников перед выпускными экзаменами. Конечно же, с запасом необходимых знаний, чтобы не опозориться... Само собой, мы думали о Кольце, но как это будет выглядеть? Где мы с Саш-

кой будем весь год, пока остальные гардемарины будут грызть твердь наук последнего курса?..

-Володя, вот сейчас я отчётливо вижу, насколько вы, мягко говоря, мало понимаете о пространстве и времени. Хотя, пространство, особенно для моряков, понятие определённое, но время...

Вовка примерно представлял, что существует теория сжатия Вселенной, которая предполагает наоборот замедление времени... Так что эта теория в нашем случае явно не годилась. Существует и обратная теория о расширении Вселенной, которая как раз и предполагает сжатие времени. Но она настолько глобальна, что её вряд ли возможно привязать к двум гардемаринам, не желавшим учиться наравне со всеми.

-Вы появились в стенах Корпуса со вполне реальной легендой, - продолжала что-то объяснять Эльтина о времени. -Для вас двоих время превратилось в материальную субстанцию, по которой вы можете перемещаться, как по дороге.... Сейчас вы вместе со своими однокашниками находитесь, скажем, в пункте **А** на карте времени, вам же надо переместится в пункт **В**. И, если ваши однокашники будут идти в пункт **В** обычным порядком, то вы окажетесь там же с помощью вашего же Кольца.

-Это мне понятно и без такого длинного вступления. Но кто останется вместо нас в дортуаре и в аудиториях?..

-Элементарно, Ватсон!.. Вас будут замещать киборги.

-Киборги! – едва ли не подпрыгнул Вовка на месте. – Это типа того Артура?..

-Если хочешь, да...

-Ну у вас и работёнка... а оригиналы с ними могут встретится?

Вовке страсть как захотелось посмотреть на себя со стороны, притом не в зеркало. А может, даже и поговорить о том, о сём...

-Да, и только для того, чтобы скачать из вас информацию, полученную вами в Корпусе.

-А потом перекачать нам то, что они постигнут за оставшееся время учёбы, - догадался Вовка.

Эльтина утвердительно кивнула головой.

-Когда же это произойдёт?

-Сегодня ночью они появятся у вас в дортуаре. Так что прошу не удивляться.

Но что-то опять не давало Вовке покоя.

-Стоп! – хлопнул он себя по лбу. – Но ведь тогда встанет вопрос, где будем мы, пока киборги будут учиться?

-Так!.. Это уже превращается в сказку про белого бычка... новый виток философских размышлений...

-А всё-таки?..

-Для вас двоих как раз и произойдёт так называемое сжатие времени. Вы окажетесь в том же дортуаре, только в самом конце выпускного курса. Понятно?..

-Понятно, - кивнул Вовка, - что ничего не понятно...

Эльгина вдруг рассмеялась.

-По правде говоря, я и сама-то...

-А как я исчезну из жизни Наденьки Васильевой?..

-Так же, как и появился... вообще-то, я бы не советовала тебе начинать романы... здесь...

-Я больше не буду, - опустил глаза Вовка. - А как же киборг?

-Это его дело...

Всё произошло этой ночью. В дортуаре вдруг появились два типа, похожих на манекены из магазина. Ребята не спали. Один манекен присел на Сашкину койку, другой приблизился к Вовке. Превращение произошло мгновенно. Видимо, в этот же момент произошла и перекачка информации. Но вот они снова стали манекенами, Вовка с Сашкой оставались на своих местах. Манекены исчезли. Ребята еле дождались утра. Вот и явно повзрослевшие Павел с Василием. Так и есть – на дворе 1803 год!

«Сэр Альманах умер!»

Павел уже давно говорил Вовке о том, что после сдачи выпускного экзамена по астрономии предстоят «похороны Сэра Альманаха»

-Что это значит?.. И почему альманах?..

Но чем ближе экзамен, тем больше ростовские набирают авторитета (киборги не подкачали). Они давно уже в своей роте самые первые вместе с Павлом и Василием. Они уже и сами активные участники подготовки священного таинства.

Давно уже нет вопроса – почему альманах?

Так назывался всеми нелюбимый астрономический ежегодник с координатами небесных тел на каждый день каждого года. Не сказать, чтобы Вовка не любил этот злопо-

лучный альманах. Да и как можно – любить или не любить журнал или прочий учебник.

Но уж очень въедливым был преподаватель астрономии - тот самый, который так хвалил Вовку с Сашкой. Он в любое время мог задать вопрос из этого альманаха... А мыслимо ли навскидку ответить где (в какой координате?) будет находиться Марс, например, 22 ноября сего года?..

И вот начало особого ритуала «похорон». За несколько дней до экзамена корпус оповестили о «болезни» альманаха. Вовка взял на себя обязанность сочинять и вывешивать в классах бюллетени о состоянии его здоровья. Правда, Павел переводил его сочинения на разговорный питерский диалект того времени.

Со дня начала «тяжёлой, неизлечимой болезни» кадеты и гардемарины ходили по корпусу на цыпочках, чтобы не беспокоить «больного».

Наконец, наступил день экзамена, который проводился в Столовом зале. Под самый высокий потолок запустили воздушные шары с плакатами, на которых издали виднелась надпись «Сэр Альманах умер!»

Вовка прочитал сочинённый им последний бюллетень, в котором коллегия гардемарин доводила до сведения всех воспитанников о причинах смерти и последних часах агонии ненавистного альманаха. В этом году альманах умер от белой горячки, которая явилась следствием неумеренного питья. И главное даже не в том, что сэр Альманах принимал смертоносное зелье, а в том, что принимал его тайно и в одиночку. А это и есть тот непростительный грех, за который он и понёс заслуженную кару...

В ночь после, экзамена старшая гардемаринская рота торжественно «хоронила» сэра Альманаха. В Столовом зале выставили почетный караул в полной амуниции с фузеями*, но без всякой одежды – только набедренные повязки. На троне из столов и красных одеял в роли бога морей и океанов «Нептуна» восседал Павел. Альманах с прискорбием положили в картонный гроб, около которого кружились «балерины» из младших кадетов. Гроб вывезли из Столового зала на орудейном лафете.

* Фузея – кремневое ружьё

Церемониал продолжился панихидой, которую служили «священник» и «дьякон» с самодельными кадилами. Здесь же безутешно рыдала «вдова» умершего. Это был гардемарин, из числа сдавших экзамен последними. Ритуал сопровождался парадом и громовым салютом брига* «Наварин». Гроб с альманахом кремировали в одной из хозяйственных печей.

Для передачи традиций на «похороны» приглашались и младшие гардемарины, и даже кадеты. Выставлялись и «махальные», которые должны были предупредить о приближении кого-то из офицеров. Впрочем, корпусное начальство смотрело сквозь пальцы на этот «тайный» церемониал, уважая старые традиции своей альма-матер...

...Подобные шалости и проказы во многом скрашивали однообразие учебных будней, развивая в то же время творческую фантазию воспитанников.

На фоне этого молодого озорства все же главными приоритетами оставались для них понятия о долге, мужестве и чести.

Но такой праздник был лишь раз в году. Чем же занимались гардемарины в «личное время», говоря современным языком?

В Ростове лично Вовка занимался своими дневниками, но времени на это уходило немного, и он просто читал. Читал он много и часто без разбора. В библиотеке он был одним из самых читающих курсантов. Ещё шахматы. В роте не было курсантов, которые бы вовсе не играли в шахматы. Но среди них были лучшие и худшие. Вовка с Сашкой были примерно одного уровня, и означало это чуть ниже лучших. Вот они и резались, порой, до полного самозабвения

Другие занимались спортом (свои ежедневные пробежки вокруг квартала Вовка за спорт не считал). Спорт – это когда в секции. Многие занимались музыкой – особенно в чести были гитара и некоторые духовые, из которых можно было составить эстрадный квартет или даже квинтет.

Но ни выдающихся спортсменов, ни музыкантов из Вовкиной роты в Ростовской мореходке не вышло.

А вот в Морском корпусе многие кадеты и гардемарины занимались рисованием, музыкой, сочиняли стихи и прозу. Из них порой выходили и художники, и музыканты с ми-

* Бриг – двухмачтовый парусник

ровой известностью. Взять художника Василия Верещагина, композитора Николая Римского-Корсакова... Или писателей Константина Станюковича, Леонида Соболева...

Замурованный гардемарин

Есть в корпусе и своя легенда, связанная одновременно со Столовым и Компасным залами. Она приводится в автобиографической повести «Арсен Люпен», написанной питомцем этих стен, известным писателем Сергеем Колбасьевым. Позволим себе некоторые цитаты из «Люпена»... «Это было не то во времена декабристов, не то в год польского восстания, но, во всяком случае, еще при Николае I. В корпусе нашли крамолу, и судить виновных должна была особая комиссия под председательством директора. У дверей Столового зала поставили караул, а по самой его середине - стол, накрытый зеленым сукном. Там, за этим столом, в огромной пустоте и должна была заседать комиссия, каждое слово которой было тайной».

Но, как гласит повествование, друзья виновных решили отомстить комиссии. Они пробрались на чердак и заложили пороховые заряды под якорные цепи, удерживающие потолок Столового зала. «Им осталось только выждать, пока соберется судилище, поджечь фитили и обрушить потолок».

Согласно легенде, директором Морского корпуса был тогда некий адмирал Фондезин (фамилия, вне сомнения, вымышленная). Его сын, гардемарин, знал о заговоре и не выдержал - предупредил отца... «Мстителей» схватили ни чердаке, и судьба их была печальной. Но сам гардемарин Фондезин пропал на следующий день, и пропал бесследно.

И уже много лет спустя, во время ремонта Компасного зала, его скелет с остатками полуистлевшей форменной одежды был найден замурованным в одной из стен Компасного зала».

В корпусе, пишет далее Колбасьев, никогда не было директора по фамилии Фондезин, да и сама операция замуровывания едва ли технически осуществима. Но мораль легенды ясна: во все времена измена братству каралась здесь с предельной жестокостью.

(Из истории Морского кадетского корпуса)

Выпуск

Вот и прошли пышные похороны сэра Альманаха. Торжественный выпуск из роты старших гардемарин, как и все великие торжества, состоялся в столовой корпуса.

В огромном зале в белой парадной форме шеренга выпускников. Напротив всё командование корпуса во главе с адмиралом П.К. Карцевым, принявшим Корпус после смерти долголетнего его директора адмирала Ивана Логиновича Голенищева – Кутузова. Рядом с директором главный инспектор - капитан первого ранга Почётный член Императорской Академии наук Гамалея Платон Яковлевич.

Всех гардемарин представляют к первому офицерскому званию – мичман.

Поздравительные речи директора и главного инспектора, ответная речь от имени выпускников, честь произнести которую выпало Павлу Веснину.

Бал под гром оркестра...

Да... бал начала XIX века был ровно таким, как его описывают Пушкин и Толстой, как Вовка с Сашкой видели не раз в кинофильмах про то время.

Наташа Ростова, роскошный Болконский, десятки других дам и кавалеров высшего света блистали друг перед другом и каждый в отдельности. Бал в морском корпусе считался одним из самых престижных в северной столице и Вовка не без тайного умысла вглядывался в лица гостей, надеясь узнать какую-нибудь личность из того времени.

Но кого он мог знать из того времени?.. Пушкин ещё младенец, Лермонтов и вовсе пока не родился... и в конце концов, для чего это ему надо, когда прямо напротив семейство Василевых, в центре которого сестрицы Наденька и Настенька.

Вовка закружился в танце, Сашку куда-то утащили Павел с Шахниным. Вовка тоже находил укромные места, где они прятались с Наденькой и торопливо целовались под звуки доносившегося полонеза и кадрили.

-Вы теперь в море поедете? – спрашивала Наденька, – это уже определено?..

-Корпус наш как называется?

-Морской...

-То то и оно, что морской... а раз морской, значит, море и будет нашей жизненной стихией...

Наденька низко опускала взгляд и грустно вздыхала.

-Да не переживайте вы так... я, как благородный человек и офицер, прямо вам скажу, что связывать свою судьбу с моряком, да ещё в такие молодые годы, просто неосмотрительно...

-Разве моряки не имеют семьи и своего дома? - пыталась что-то спорить Наденька.

-Ну, как же без этого, да ведь редкий случай. Моряк - он женат, прежде всего, на море и на своём корабле. А уж потом у него семья и дом. Возможно, со временем это проходит, или скорее, приобретает новые формы, но из моряков редко получают хорошие мужья.

Вовка говорил эти слова, чтобы хоть как-то утешить бедную девушку. А что он мог ещё сказать, не оставляя влюбившейся Наденьке никаких шансов.

-Неужели у вас нет никаких чувств ко мне?..

-Именно поэтому я и пытаюсь предостеречь вас от неблагоприятных действий. Скоро я уйду в море и уйду настолько надолго, что мне и самому страшно подумать...

И всё же я буду ждать, - твердила Наденька до самой последней минуты...

Забегая чуть вперёд, скажем, что Вовка попросил Эльтину чуть «подправить» направление чувств юной красавице Наденьке Васильевой...